

верпенно невидимымъ для лица простыхъ смертныхъ. Его столица становится священнымъ мѣстомъ, но въ то же время—и обширнымъ монастыремъ для самого земного бога. Личность микадо, стѣны его дворца, земля, по которой онъ ступаетъ, солнце, которому онъ молится—все дѣлается священнымъ.

Мало-по-малу всѣ человѣческія живыя чувства въ немъ умираютъ и глохнутъ, и не только въ его дворцѣ, но и во всей столицѣ, безраздѣльно царить этикетъ и обычай. Здѣсь каждый шагъ, каждое движеніе связано съ религіозными обрядами.

Проходить еще длинный рядъ годовъ—и микадо какъ будто совсѣмъ перестаетъ быть живымъ человѣкомъ въ глазахъ своихъ подданныхъ и становится чѣмъ-то вродѣ „иконы съ неугасимой лампадой“. Благодаря безмолвію трона страсти у подножья его разгораются все больше и больше, и междоусобія между отдѣльными временщиками, успѣвшими за это время разбогатѣть и обзавестись потомствомъ, становятся болѣе упорными, жестокими и кровопролитными.

IV. Религіозныя вѣрованія японцевъ.

Исторія Будды.—Появленіе буддизма въ Японіи.—Сущность ученія Будды.

Исторія Будды очень несложна, но трогательна. Посреди роскоши и наслажденій дворца *Капилавасты* молодой принцъ Суддарта съ удивленіемъ почувствовалъ, что величайшія земныя блага, не исключая и тѣхъ, которыми онъ пользуется, не могутъ дать ему счастья. Оглядываясь кругомъ себя, онъ былъ пораженъ бѣдствіями, нищетой, безнравственностью и вообще массой зла, отравляющаго человѣческую жизнь. Всѣ твари представляютъ ему зрѣлище страданія и смерти. Даже неодушевленная природа — и та полна печальныхъ стоновъ. Тогда онъ обращается къ жрецамъ; но

догматы ихъ также составляютъ для него только предметъ страха; сами боги по ученію браминовъ при-
нуждены подчиняться закону изрешеленія. Что же ка-
сается до людей, то каждый изъ нихъ уже прошелъ
множество превращеній, а по смерти, смотря по дѣй-
ствіямъ своимъ, или облечется высшею формой, или же
долженъ будетъ спуститься ступеню ниже. Брама,
всемірный духъ, изъ котораго исходитъ все суще-
ствующее, — въ то же время составляетъ и предѣлъ
всякаго бытія, къ которому возвращается все, что отъ
него произошло. Но кто въ состояніи опредѣлить про-
должительность странствованія (т. е. существованія),
напримѣръ, такого-то человѣка, или скорѣе, связан-
наго съ нимъ изрешеляющагося существа? И кто огра-
дитъ бѣднаго странника отъ козней и искушеній злыхъ
демоновъ, отъ которыхъ не избавлены даже мудрей-
шіе изъ людей и потомки чистѣйшихъ кастъ?

Суддартъ тогда принимаетъ великое, неизмѣнное
рѣшеніе: „Я иду, чтобы, исчезая съ земли, я уже не
былъ подверженъ превратностямъ переселенія. Я найду
путь, ведущій къ конечному предѣлу жизни и смерти;
а когда я его открою, то повѣдаю о немъ всему міру
и всѣхъ научу закону благодати“.

Ему было въ то время двадцать девять лѣтъ. Онъ
покидаетъ отца, жену, дѣтей, посѣщаетъ школы из-
вѣстнѣйшихъ учителей закона Ману и въ теченіе
шести лѣтъ все предается изученію религіозныхъ си-
стемъ и аскетическихъ подвиговъ браминовъ.

Однако, наконецъ онъ приходитъ къ убѣжденію,
что не этимъ путемъ можно дойти до совершеннаго
разума и полнаго пониманія всѣхъ вещей. Спустя нѣ-
сколько времени, обособившись отъ всего міра и весь
погрузившись въ уединенное размышленіе, онъ вдругъ
почувствовалъ, что уже утверждается на прочныхъ
основаніяхъ готоваго новаго ученія. Тогда онъ счелъ
себя вправе сказать, что наконецъ онъ облеченъ всѣми

свойствами „будды“ и владѣть совершеннымъ разумомъ и пониманіемъ всѣхъ вещей.

Свои проповѣди онъ началъ въ Бенаресѣ, когда ему было тридцать шесть лѣтъ отъ роду; потомъ онъ прошелъ весь Бегаръ, посѣтилъ городъ Капилавусту и убѣдилъ своихъ трехъ женъ, отца и другихъ членовъ своего семейства обратиться къ религіозной жизни. Такъ какъ его родовое имя было „Сакія“, то онъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ во всей центральной Индіи подъ именемъ „Сакія-муни“, т. е. пустытника изъ рода Сакія. Борьба, которую онъ долженъ былъ вести съ браминами, нѣсколько разъ подвергала опасности самую его жизнь. Несмотря на это, онъ могъ проповѣдывать свое ученіе въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ, не имѣя никакой поддержки, кромѣ строгости своихъ нравовъ и совершенства своего знанія.

Почувствовавъ приближеніе смерти, маститый восьмидесятилѣтній старецъ самымъ нѣжнымъ образомъ простился со своими сподвижниками и сѣвъ въ тѣни деревьевъ, тихо скончался, не оставивъ по себѣ ничего, кромѣ смертныхъ останковъ, воспоминаній о своихъ проповѣдяхъ и вліянія подаваемыхъ имъ добрыхъ примѣровъ.

Въ 543 году до Р. Х., спустя семь дней послѣ смерти Будды, первый общій соборъ его послѣдователей занялся записываніемъ словъ учителя, который самъ ничего не писалъ. Его ученіе, не имѣвшее въ мысляхъ его другой цѣли, кромѣ нравственной реформы браминской религіи и замѣны господства боговъ господствомъ долга, а пустыхъ обрядовъ — дѣятельнымъ добромъ, — это ученіе въ свою очередь превратилось въ догматическую систему, сопровождаемую суевѣрнымъ и идолопоклонническимъ богослуженіемъ.

Въ настоящее время буддизмъ составляетъ господствующую религію на островѣ Цейлонѣ въ Бирманской имперіи, въ Сіамскомъ королевствѣ, Тонкинѣ, Тибетѣ,

Монголии, Китаѣ и Японіи. Одно время онъ былъ распространенъ по всей Индіи, на островѣ Явѣ и другихъ Зондскихъ островахъ, и даже до сихъ поръ онъ держится на Кашмирѣ и Вепалѣ. Число его послѣдователей превышаетъ триста милліоновъ душъ, и нужно сознаться, что до подобной цифры не достигаетъ никакая другая религія на всемъ земномъ шарѣ.

Введеніе буддизма собственно въ Японіи относится къ 552 году нашего лѣтосчисленія. Въ это время тридцатому микадо Кинъ-Меи, находившемуся тогда на престолѣ, была прислана отъ короля Петси статуя Сакія-муни, также какъ и книги, хоругви, балдахинъ и другіе предметы, служившіе для обрядовъ богослуженія. Въ письмѣ короля, приложенномъ къ этимъ подаркамъ, говорилось о нихъ слѣдующее:

„Вотъ лучшее изъ всѣхъ ученій. Приходя изъ дальней Индіи, оно открываетъ намъ то, что было тайною для самого Конфуція, и переноситъ насъ въ конечное состояніе, съ блаженствомъ котораго ничто не можетъ сравниться. Король Петси передаетъ его имперіи микадо Кинъ-Меи, дабы оно въ ней распространилось и такимъ образомъ исполнилось то, что написано въ книгахъ Будды: „Мое ученіе распространится на востокъ“.

Получивъ это письмо, микадо тотчасъ же созвалъ всѣхъ своихъ министровъ, чтобы посоветоваться съ ними насчетъ приема, какой слѣдовало сдѣлать статуѣ великаго индійскаго учителя.

— Всѣ народы Запада, — отвѣчалъ *Инаме*, — почитаютъ Будду; почему же Ниппопъ сталъ бы поворачиваться къ нему спиною?

— Но, — возразилъ Вокоси, — если мы будемъ воздавать почести чужеземному учителю, то не раздражимъ ли мы этимъ нашихъ народныхъ камисовъ?

Тогда микадо въ качествѣ высшаго авторитета произнесъ слѣдующее рѣшеніе, примирившее обѣ стороны:

— Справедливость требуетъ, чтобы всякому чело-
вѣку дозволено было то, чего жаждетъ его сердце.
Пусть Инаме поклоняется новому образу.

Инаме велѣлъ унести статую Сакія-муни къ себѣ
и построилъ для нея часовню. Однако, когда вскорѣ
послѣ этого на островѣ открылась эпидемія, то стали
говорить, что она явилась вслѣдствіе введенія новаго
ученія. Часовня была сожжена, а статую бросили въ
рѣку. Тѣмъ не менѣе, семейство Инаме втайнѣ про-
должало исповѣдывать чужеземную вѣру.

Въ царствованіе Бидатса, преемника Кунъ-Меи,
министръ Согано, сынъ Инаме, представилъ микадо
бонзу, пріѣхавшаго изъ Спиря, что въ Корей. Бонза,
зная всѣ трудности, какія придется преодолѣть при
введеніи буддизма въ странѣ, національная религія
которой такъ тѣсно соединяла государя съ его наро-
домъ, придумалъ средство пріобрѣсти расположеніе
микадо. Какъ только онъ увидѣлъ при дворѣ импе-
раторскаго внука, мальчика лѣтъ шести, рожденіе ко-
торого было ознаменовано чѣмъ-то необыкновеннымъ,
онъ преклонился къ ногамъ этого ребенка, отмѣченнаго
такимъ чудеснымъ образомъ, и сталъ воздавать ему
божескія почести, объявляя всѣмъ при этомъ, что
узнаетъ въ немъ воплощеніе одного изъ учениковъ
Будды, новаго покровителя имперіи, будущаго рас-
пространителя религіознаго свѣта. Микадо скоро далъ
себя уговорить посвятить этого ребенка богослуженію
и поручить его воспитаніе корейскому бонзѣ.

Остальное нетрудно угадать. Этотъ мальчикъ впо-
слѣдствіи сталъ вводить буддизмъ въ Японіи и сдѣ-
лался первымъ первосвященникомъ этой религіи.
Нынѣ его почитаютъ подъ именемъ Сусо-Токъ-Дайзе,
святого, добродѣтельнаго наслѣднаго принца. Японцы
не только не стали отрицать чужеземнаго происхожде-
нія новаго вѣроисповѣданія, но даже поставили себѣ
въ обязанность напоминать о немъ посредствомъ раз-

личныхъ символовъ, какъ-то: слоновыхъ головъ и плантацій пальмъ небольшой породы, акклиматизированной въ Японіи, встрѣчаемыхъ близъ входа во всѣ храмы, въ память объ Индіи.

Имъ легче было однако выразить внѣшними знаками свое уваженіе къ колыбели Будды, нежели сохранить неискаженнымъ то, что составляетъ самую сущность его религіи, т. е. точное преданіе о его жизни, о его личности и о томъ, чему онъ училъ. Въ японской легендѣ Будда является на свѣтъ чуднымъ образомъ. Тотчасъ же послѣ рожденія онъ становится посреди комнаты, дѣлаетъ семь шаговъ по направленію каждой изъ четырехъ сторонъ свѣта и потомъ, указывая правою рукой на небо, а лѣвою на землю, восклицаетъ: „Ни вокругъ, ни вверху, ни внизу нѣтъ ничего, что бы могло со мною сравниться; нѣтъ ни одного существа, болѣе меня достойнаго почитанія“.

Въ этомъ положеніи изображается Будда-дитя, когда празднуется его рожденіе. Въ восьмой день четвертаго мѣсяца народъ собирается въ его храмъ, гдѣ бонзы обливаютъ его статуэтку настоемъ ароматическихъ травъ, приготовленнымъ ими же въ особеннаго рода сосудѣ для священной воды, стоящемъ у ногъ этой статуетки. Затѣмъ послѣдней воздаются правовѣрными разныя почести, а самые благочестивые въ довершеніе своихъ религіозныхъ подвиговъ, обливаются тѣмъ настоемъ и даже иногда пьютъ его. Отъ девятаго до пятнадцатаго дня второго мѣсяца празднуется воспоминаніе о размышленіяхъ Сакія-муни въ уединеніи лѣсовъ. Это недѣля отрѣшенія отъ свѣта, углубленія въ самого себя и религіозныхъ думъ, а также и проповѣдей, въ которыхъ бонзы поучаютъ народъ, что пробужденіе высшаго познанія въ душѣ Будды сопровождалось появленіемъ блестящей звѣзды, что мудрецъ, просвѣтившись вполнѣ, излагалъ первую книгу закона въ теченіе тридцати семи дней; на изло-

женіе второй книги онъ употребилъ двѣнадцать лѣтъ, третьей—тридцать лѣтъ, четвертой—восемь лѣтъ, а на изложеніе послѣдней, въ которой говорится о „нирванѣ“, только одинъ день и одну ночь. Они говорятъ еще, что въ теченіе сорока лѣтъ своей учительской дѣятельности онъ „обернулъ колесо закона“ (подъ этимъ символическимъ выраженіемъ слѣдуетъ понимать полное изложеніе его ученія) не менѣе трехъ сотъ шестидесяти разъ. Седьмой и послѣдній день праздника посвященъ памяти Будды.

Въ каждомъ изъ мѣстъ, специально назначенныхъ для поклоненія, ему воздвигается „кенотафъ“, т. е. пустая гробница (съ греческаго *κενός* = пустой и *τάφος* = могила), и правовѣрные переходятъ изъ одного храма въ другой, стараясь превзойти другъ друга въ усердіи, съ какимъ спѣшатъ украсить священную гробницу. Тогда въ храмѣ Тоофукзи, въ Кіото, развѣртывается знаменитая картина Неганзао, писанная Тоондензу. Посрединѣ этого большого холста изображенъ Будда, лежащій подъ деревьями и погруженный въ покой вѣчнаго небытія. Торжественное спокойствіе его лица ясно показываетъ, что освобожденіе его разума совершилось и что мудрецъ безвозвратно вошелъ въ нирвану. Собравшіеся вокругъ него ученики смотрятъ на него съ выраженіемъ удивленія и вмѣстѣ съ тѣмъ—сожалѣнія о потери его. Бѣдняки, угнетенные паріи, оплакиваютъ сострадательнаго друга, кормившаго ихъ милостынею, которую онъ для нихъ собиралъ, утѣшителя, ласковое и полное участія слово котораго возвѣстило имъ надежду на избавленіе. Даже животныя, вообще все, что сотворено, приходитъ въ движеніе, увидѣвъ трупомъ того, кто всегда уважалъ жизнь во всѣхъ формахъ, въ какія только она облекалась въ природѣ. Духи земли, водъ и воздуха съ благоговѣніемъ приближаются къ Буддѣ; за ними слѣдуютъ жители ихъ царствъ: всякаго рода рыбы, птицы, насѣкомыя, гады, наконецъ мле-

копитающіеся, не исключая и бѣлаго слона, составляющаго высшую ступень браминской метемпсихозы.

Какъ ни кажется странной подобная картина, однако она производитъ очень сильное впечатлѣніе. Она какъ будто выражаетъ, что между человѣкомъ и всѣми существами земного творенія есть извѣстная солидарность. Что касается до главнаго, настоящаго содержанія картины, то еще не рѣшенъ окончательно вопросъ касательно смысла, какой слѣдуетъ ей придать. Должны ли мы представлять себѣ нирвану, конечную цѣль стремленій буддистовъ, какъ поглощеніе души праведника въ божественномъ существѣ всемірнаго духа, или считать ее въ самомъ дѣлѣ синонимомъ уничтоженія—небытіемъ? Ученіе Будды вообще чрезвычайно темно; за исходную точку своего ученія Будда принимаетъ неоспоримый фактъ — существованіе страданій, въ какой бы то ни было формѣ наступающихъ чловѣка во всякомъ общественномъ положеніи. Отыскивая причины этихъ страданій, онъ приписываетъ ихъ страстямъ, похотямъ, проступкамъ, невѣжеству и даже самому существованію. Если согласиться съ послѣднимъ, то ясно, что эти страданія не могутъ имѣть другого конца, какъ прекращеніе существованія.

Но чтобы быть дѣйствительнымъ нынѣ, этотъ конецъ долженъ быть полнымъ уничтоженіемъ, ничтожествомъ, нирваной. Нѣтъ другого средства выдти изъ круга постоянныхъ возрожденій и окончательно освободиться отъ подчиненія закону переселеній. Это сложное существо, состоящее изъ души и тѣла и называемое чловѣкомъ, только посредствомъ абсолютнаго уничтоженія можетъ быть дѣйствительно избавлено отъ своихъ страданій, потому что если остается хоть малѣйшая частица его души, то душа можетъ снова возвратиться въ одной изъ тѣхъ безчисленныхъ формъ, въ какихъ проявляется существованіе, и мнимое избавленіе окажется заблужденіемъ, какъ и все другое.

Предполагая уничтожить страданіе прекращеніемъ самаго существованія, буддистъ, очевидно, становится на почву атеизма, потому что онъ можетъ думать о достиженіи своей цѣли только при отрицаніи идеи Верховнаго Существа. Первымъ дѣйствіемъ буддистскихъ проповѣдей на японцевъ было то, что онѣ доставили богатую пищу любопытству этихъ островитянъ, въ такой же степени любящихъ зѣвать и дѣлать разные разспросы, въ какой индусы склонны къ созерцанію и молчанію. Но такъ какъ японцы не чувствовали никакого нетерпѣнія погрузиться въ нирвану, то они преимущественно интересовались вопросомъ, что именно можетъ происходить въ промежутокъ между смертію и конечнымъ уничтоженіемъ? Скоро при помощи бонзъ по городамъ и деревнямъ разошлось извѣстное число условныхъ идей касательно души, смерти и будущей жизни, нисколько не мѣшавшихъ, конечно, признавать абсолютной истиной все то, чему японцы научились отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ относительно древнихъ боговъ и почитаемыхъ національных камисовъ.

Вотъ приблизительно содержаніе этихъ идей. Душа человѣка—нѣчто въ родѣ пара, принявшаго продолговатую форму, свободно носящуюся въ воздухѣ, не смѣшивающуюся ни съ чѣмъ; точнѣе форма души опредѣлялась въ видѣ лягушечьяго головастика, отъ головы до оконечности хвоста котораго проходитъ тонкая ниточка крови. Если обращать вниманіе, то можно видѣть, какъ она вылетаетъ изъ дома умирающаго въ то время, какъ тотъ испускаетъ послѣдній вздохъ. Во всякомъ случаѣ нетрудно разслышать трескъ оконныхъ рамъ при ея проходѣ.

Куда она идетъ—неизвѣстно; но всегда ее встрѣчаютъ духи, служащіе великому судѣ ада. Они проводятъ ее въ судилище, и судья приказываетъ ей стать на колѣни передъ зеркаломъ, въ которомъ безъ

всякаго состраданія къ ней отражается все сдѣланное ею при жизни зло.

Подобное явленіе иногда происходитъ и на землѣ; такъ одинъ актеръ изъ Іеддо, совершившій убійство, съ тѣхъ поръ не могъ посмотрѣться въ зеркало, чтобы не встрѣтить въ немъ блѣдное лицо своей жертвы.

Души, отягченныя преступленіями, бродятъ, смотря по важности грѣховъ, въ томъ или другомъ изъ осьмнадцати концентрическихъ круговъ ада. Души, постепенно очищающіяся, пребываютъ въ чистилищѣ, крышку котораго имъ открываютъ, когда онѣ могутъ продолжать прогрессивный ходъ своего странствованія, не опасаясь снова впасть въ искушеніе жизни и поддаться ему. Наконецъ нѣкоторыя души возвращаются въ то мѣсто, гдѣ онѣ прежде жили или гдѣ погребены ихъ смертные останки. Такъ одна молодая женщина собиралась уснуть; вдругъ она вздрагиваетъ и видитъ надъ собой, внутри занавѣски отъ москитовъ (мошекъ), какую-то тѣнь. Съ своей стороны мужъ ея, сидѣвшій близъ ночника, падаетъ на колѣни, пораженный ужасомъ; если онъ и не различаетъ видѣнія, то слышать жалобные звуки хорошо знакомаго ему голоса—голоса умирающей первой его супруги, которую онъ отравилъ, чтобы мѣсто ея могла занять молодая жена, бывшая тогда его любовницей. Или запоздалый путникъ, идущій вдоль рѣки, посреди большого болота видитъ предъ собой два блѣдныхъ привидѣнія: молодая мать сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ маленькаго ребенка; покинутая всѣми въ нищетѣ, несчастная рѣшилась на двойное преступленіе. „Прохожій, иди, возвѣсти всѣмъ, что каждую ночь изъ лона глубокихъ водъ выходятъ двѣ жертвы и являются обвинителями настоящаго виновника ихъ смерти!“

Есть даже нѣсколько уединенныхъ мѣстъ, засыпанныхъ всякимъ мусоромъ, заросшихъ терновникомъ и разными ядовитыми растеніями, гдѣ бродятъ не только

кающіяся души, но и отвратительные демоны. Однообразная легенда связана со всѣми этими мрачными и унылыми мѣстами. Тамъ возвышался замокъ феодальнаго властителя, вся жизнь котораго была рядомъ злодѣйствъ, насилій и жестокостей. Наконецъ онъ былъ застигнутъ врасплохъ въ своемъ притонѣ, и мщеніе угнетенныхъ и оскорбленныхъ семействъ насытилось кровью и огнемъ. Ночью онъ возвращается на землю, вспоминаетъ, какимъ образомъ онъ былъ умерщвленъ, и стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упалъ, оцѣпенный отъ ужаса. Беззащитный и беспомощный — стоитъ онъ подъ градомъ проклятій своихъ жертвъ, насмѣшекъ и ругательствъ дѣтей ада.

Разсказы о привидѣніяхъ, странныя сказки, книги, иллюстрированныя картинками, изображающими адъ или появленіе злыхъ духовъ, размножились въ Японіи до такой степени, что воображеніе народа осаждено ими со всѣхъ сторонъ. Патронъ этой литературы по народной миеологіи — „Тенгу“, богъ сновъ, крылатый духъ страннаго и смѣшнаго вида. На головѣ у него надѣтъ гасильникъ, а въ рукахъ онъ держитъ золотой костыль. Онъ предводительствуетъ ночной пляской всѣхъ предметовъ, обыденныхъ или священныхъ, могущихъ составлять содержаніе сновъ человѣка. Даже убѣжище смерти повинуется его грубому призыву. Канделябры въ тактъ склоняютъ свои головы, въ которыхъ пробиты свѣтящіяся отверстія, каменные черепахи, поддерживающія могильные памятники, начинаютъ тяжело двигаться, а гримасничающіе скелеты, завернувшись въ свои саваны, присоединяются къ фантастической круговой пляскѣ, изъ предосторожности махая кругомъ себя бумажнымъ кропиломъ, служащимъ защитой отъ злыхъ духовъ.

V. Бонзы.

Ученіе японцевъ о земной жизни. — Японскіе аскеты. — Мнѳологическія животныя. — Японскіе монастыри.

Воображенію трудно себѣ даже представить, что почти третья часть всего человѣческаго рода не имѣетъ никакого другого религіознаго вѣрованія, кромѣ буддизма, этого богослуженія безъ бога, этой религіи ничтожества, небытія, созданной отчаяніемъ. Съ одной стороны хочется убѣдить себя, что всѣ эти люди, признающіе ея господство, не понимаютъ совсѣмъ исповѣдуемаго ими ученія или не признаютъ всѣхъ его логическихъ послѣдствій. Дѣйствительно, языческіе обряды, удержавшіеся рядомъ съ новымъ закономъ повидимому, свидѣтельствуешь о томъ, что послѣдній не могъ ни удовлетворить, ни подавить религіозное чувство, врожденное человѣку и постоянно живущее въ средѣ всякаго народа. Съ другой стороны, нельзя не признать огромнаго вліянія философіи, проповѣдующей, конечное уничтоженіе, — вліянія, выразившагося во множествѣ чертъ изъ жизни, нравовъ и обычаевъ японцевъ.

Уже дѣтей учать въ школахъ, что жизнь убѣгаетъ, точно сонъ, и не оставляетъ по себѣ никакого слѣда. Съ самымъ презрительнымъ равнодушіемъ взрослый японецъ жертвуетъ своею или чужою жизнью для удовлетворенія тщеславія или какой-нибудь пустячной мести. Убійства и самоубійства такъ часты въ Японіи, что мало есть благородныхъ семействъ, въ которыхъ бы не хранилась и съ гордостью не показывалась хоть одна сабля, обогрѣнная человѣческою кровью.

Однако, и буддизмъ имѣетъ нѣкоторыя преимущества передъ вытѣсненными имъ религіями. Этимъ относительнымъ превосходствомъ онъ обязанъ истинности своей отправной точки — сознанію необходимости избавленія, сознанію, основанному на двухъ фактахъ: на

существованіи зла въ человѣкѣ и на всеобщемъ страданіи—злѣ и нуждѣ, разлитыхъ по всему свѣту.

Обѣщанія религіи камисовъ относились къ настоящей жизни. Правила очищенія должны были предохранить правовѣрныхъ отъ пяти великихъ золъ, т. е. отъ небеснаго огня, отъ болѣзни, отъ бѣдности, отъ изгнанія и отъ преждевременной смерти. Обряды религіозныхъ праздниковъ имѣли цѣлью прославленіе героев имперіи. Но если патріотизмъ и возвысился до степени національнаго богослуженія, однако несомнѣнно, что это естественное чувство, столь драгоценное и почтенное, еще не можетъ одно, само по себѣ, наполнить собой всю душу и удовлетворить всѣмъ ея потребностямъ. Человѣческая душа больше, нежели весь міръ. Ей нужна религія, которая уносила бы ее за предѣлы земли. Буддизмъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ соотвѣтствовалъ стремленіямъ этого рода, дѣлѣхъ поръ еще не сознаннымъ.

Уже одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы объяснить быстрое его распространеніе по Японіи и другимъ землямъ при помощи однихъ только проповѣдей и убѣжденій. Нетрудно, впрочемъ, себѣ представить, что популярность онъ получилъ не въ томъ отвлеченномъ, философскомъ видѣ, въ какомъ онъ представляется намъ: лучшимъ доказательствомъ этого служить нынѣшнее его состояніе. Въ Японіи были, какъ и въ Индіи, аскеты, изнурявшіе себя воздержаніемъ всякаго рода и терявшіеся въ отвлеченностяхъ; но ихъ число, безъ всякаго сомнѣнія, было очень невелико и знаменитѣйшій изъ нихъ былъ родомъ индусъ.

Это былъ такъ именуемый Бодди-Дормъ, основатель секты „Сенъ-Сору“. Онъ прибылъ въ Японію въ 613 году по Р. Х. Легенда говоритъ, что онъ переплывалъ Корейскій проливъ, стоя на широкомъ листѣ дерева, называемаго „аши“, или, что менѣе вѣроятно,

на простомъ тростниковомъ стеблѣ. Передъ отправленіемъ въ Японію онъ въ теченіе десяти лѣтъ приготовлялся къ своей дѣятельности слѣдующимъ образомъ: онъ провелъ эти десять лѣтъ въ полномъ уединеніи въ корейскомъ храмѣ „Шао-линъ“, сидя на цыновкѣ съ лицомъ, неподвижно обращеннымъ къ стѣнѣ.

Будда предписалъ также своимъ ученикамъ проводить какъ можно больше времени въ *діанѣ* т. е. въ созерцаніи. Бонзы же, желая регламентировать ходъ содержанія, превратили діану въ родъ мистической лѣстницы, раздѣленной на два яруса, изъ которыхъ каждый въ свою очередь состоитъ изъ четырехъ ступеней. Чтобы пройти черезъ первую ступень, аскетъ долженъ отрѣшиться отъ всякаго желанія, кромѣ стремленій къ нирванѣ. Въ этомъ состояніи души онъ еще думаетъ и разсуждаетъ, но защищенъ отъ соблазна зла, и ощущеніе того, что этотъ первый шагъ даетъ ему надежду на нирвану, приводитъ его въ восторженное настроеніе, вскорѣ дающее ему возможность достигнуть второй ступени. Во время этого второго шага чистота аскета остается неизмѣнною; но, кромѣ того, онъ отложилъ въ сторону всякое размышленіе и сужденіе, такъ что духъ его, уже не занятый дѣйствительными предметами и весь сосредоточенный на нирванѣ, чувствуетъ ее только какъ наслажденіе отъ внутренняго удовлетворенія, о которомъ онъ не разсуждаетъ и котораго даже не понимаетъ.

На третьей ступени созерцанія исчезаетъ и это внутреннее удовлетвореніе; мудрецъ впадаетъ въ состояніе полного равнодушія даже относительно того блаженства, которое до сихъ поръ испытывалъ его духъ. Теперь ему осталось одно удовольствіе: неопредѣленное ощущеніе физическаго благосостоянія, разлитого по всему его тѣлу. Однако, онъ еще сохранилъ воспоминаніе о пройденныхъ состояніяхъ и смутное

сознаніе самого себя, несмотря на то, что дошелъ до полнаго почти отрѣшенія отъ всего. Наконецъ, достигнувъ четвертой ступени, аскетъ не имѣетъ уже даже и этого темнаго ощущенія физическаго благосостоянія; онъ также совершенно лишился памяти, болѣе того: въ немъ потерялось даже ощущеніе его равнодушія. Теперь, освободившись отъ всякаго удовольствія и всякой гордости, какова бы ни была ихъ причина, внѣшняя или внутренняя, онъ дошелъ до полнаго безстрастія, такъ близкаго къ нирванѣ, какъ это только возможно во время земной жизни.

Затѣмъ аскету позволяется перейти во второй ярусъ діаны, то-есть въ четыре, находящіяся одна надъ другой, области міра, не имѣющаго формъ. Сначала онъ входитъ въ область безконечности пространства. Оттуда поднимается ступеню выше—въ область безконечности духа. Съ этой высоты онъ уже можетъ достигнуть третьей области, въ которой нѣтъ совершенно ничего. Но такъ какъ можно было бы предположить, что въ этой пустынѣ и этомъ мракѣ существуетъ еще по крайней мѣрѣ одна идея, представляющая для аскета самое то ничтожество, въ которое онъ погружается, то ему нужно сдѣлать послѣднее, высшее усиліе, чтобы войти въ четвертую область безформеннаго міра, гдѣ уже нѣтъ идей, нѣтъ даже идеи отсутствія идей.

Вотъ каковы мистическіе процессы буддистскаго созерцанія, которое Бодди-Дормъ ввелъ въ Японіи. Другіе проповѣдники, преемники его, развиваютъ ученіе Будды въ томъ же духѣ, то-есть замѣняя, каждый въ своемъ родѣ, внѣшними обрядами самостоятельность благочестія и дѣятельность духа. Учитель сказаль, на примѣръ, своимъ ученикамъ: „Идите, благочестивые люди, скрывайте ваши добрыя дѣла и показывайте ваши грѣхи“. Бонзы же установили процессіи жающихся. Кротость была одной изъ преобладающихъ чертъ характера Сакія-муни. Состраданіе его было обра-

щено на всѣ существующія твари. Когда же его учение распространилось среди японцевъ, то послѣдніе слѣдовали закону, запрещавшему ѣсть мясо домашнихъ животныхъ; этотъ обычай между прочими экономическими послѣдствіями имѣлъ еще и то очень важное и благодѣтельное, что предупреждалъ вздорожаніе буйволовъ, которые въ странахъ, гдѣ воздѣлывается рисъ, крайне необходимы даже самымъ бѣднымъ земледѣльцамъ. Скоро нѣкоторыя буддистскія секты дошли до того, что запретили всякую пищу, не имѣвшую растительнаго происхожденія.

Сакія-муни приказывалъ воздерживаться не только отъ лжи и вредныхъ рѣчей, но и отъ всякаго празднаго слова. Поэтому молчаніе было включено въ число монастырскихъ обѣтовъ. Точно такимъ же образомъ самоотверженіе, чистота нравовъ, терпѣніе, постоянство—все это подъ вліяніемъ бонзъ выразилось предписаніями, опредѣляющими до самыхъ мелочныхъ подробностей одежду, пищу, распредѣленіе часовъ дня и ночи въ религиозныхъ общинахъ. Будда былъ неутомимъ въ дѣлѣ возбужденія состраданія богатыхъ въ пользу всѣхъ несчастныхъ—поэтому бонзы организовали братства нищенствующихъ иноковъ. Онъ объявилъ, что такъ же хорошо расположенъ къ наиболѣе презираемымъ членамъ общества, какъ и къ наиболѣе уважаемымъ, и что будетъ излагать свой законъ какъ ученымъ, такъ и невѣждамъ; — и бонзы провозгласили невѣжество одною изъ главнѣйшихъ добродѣтелей. У индусскаго реформатора вѣра соединялась съ познаніемъ; по мнѣнію же бонзъ первой добродѣтели было достаточно, чтобы сдѣлать излишними всѣ остальные. „За исключеніемъ одной только секты „Сенъ-Сусу“,— говоритъ одинъ японскій писатель, — всѣ наши бонзы стремятся держать народъ, особенно же крестьянъ, въ глубокомъ невѣществѣ; они говорятъ, что для того, чтобы дойти до совершенства, достаточно имѣть слѣпую вѣру“.

Между прочимъ одинъ первосвященникъ Фудайзи, пришедшій изъ Китая со своими двумя сыновьями, Фусжоо и Фукепомъ, изобрѣлъ оригинальный механическій способъ, избавляющій бонзъ отъ необходимости *вертѣть колесо закона* въ томъ смыслѣ, какой слова эти имѣютъ на мистическомъ языкѣ буддизма, исполняя въ то же время эту обязанность въ буквальномъ значеніи слова. Онъ устроилъ такъ называемый ринсоо—родъ подвижного наложя, вращающагося на оси,—и разложилъ на немъ свертки священныхъ книгъ. Его ученики получали отъ него, смотря по степени своего благочестія, позволенія обернуть ринсоо на четверть круга, на полкруга или на три четверти; очень рѣдко можно было заслужить милостивое позволеніе сдѣлать полный оборотъ ринсоо, что считалось такимъ же важнымъ, благочестивымъ дѣломъ, какъ прочесть громко всѣ священныя книги отъ начала до конца.

Бонзы Спиранъ, Нитцитенъ и около тридцати другихъ составили себѣ имя, какъ основатели сектъ, изъ которыхъ каждая отличается какою-нибудь особенностью, достойною соперничать съ остроумнымъ изобрѣтеніемъ Фудайзи. Такъ, существуетъ одно братство, имѣющее исключительное право извлекать пользу изъ большихъ семейныхъ четокъ. Нужно замѣтить, что буддистскія четки могутъ обнаружить силу только въ томъ случаѣ, если ихъ перебираютъ по всѣмъ правиламъ; между тѣмъ нельзя поручиться за то, что въ многочисленномъ семействѣ никто не ошибется при употребленіи четокъ; въ этомъ-то и заключается причина неэффективности, въ которой ихъ иногда упрекаютъ. Въ подобныхъ случаяхъ вмѣсто того, чтобы обвинять другъ друга, самые благоразумные посылаютъ за бонзой большихъ четокъ, чтобы опять привести дѣло въ порядокъ. Бонза спѣшитъ явиться со своимъ орудіемъ, представляющемъ размѣры приблизительно порядочнаго удава; орудіе это онъ передаетъ въ

руки членовъ семейства, стоящихъ на колѣняхъ и расположенныхъ большимъ кругомъ, а самъ становится на колѣни передъ жертвенникомъ домашняго идола и управляетъ молитвами посредствомъ тимпана и большого молоточка. По данному имъ знаку отецъ, мать, дѣти запѣваютъ во все горло указанная молитвы. Маленькіе шарики четокъ, большіе ихъ шарики, удары молотка слѣдуютъ другъ за другомъ въ тактъ съ увлекающей правильностью; лица, перебирающія четки, оживляются, крики становятся страстными, руки и кисти рукъ повинуются съ точностью машины, потъ льетъ ручьями, тѣло замираетъ отъ усталости. Наконецъ обрядъ конченъ; всѣ истомлены до крайности и задыхаются, но лица ихъ сияютъ счастьемъ, потому что посредствующіе боги должны быть удовлетворены!

Буддизмъ—религія гибкая, примиряющая, вкрадчивая, примѣняющаяся къ духу и обычаямъ самыхъ разнообразныхъ народовъ. Поэтому буддистскіе бонзы при первомъ же своемъ появленіи въ Японіи сразу сумѣли достигнуть того, что имъ были ввѣрены раки японскихъ святыхъ и даже небольшія часовни камисовъ для охраненія ихъ въ оградахъ ихъ святилищъ. Они поспѣшили прибавить къ своимъ обрядамъ символы, заимствованные изъ стараго туземнаго богослуженія; наконецъ, чтобы лучше слить обѣ религіи, они въ одно и то же время помѣстили въ своихъ храмахъ камисовъ съ названіями и атрибутами индуcкихъ божествъ и индуcскія божества, превращенныя въ японскихъ камисовъ. Подобныя обмѣны не представляли ничего невозможнаго, потому что ихъ очень естественнымъ образомъ объясняли догматомъ переселенія. Благодаря этому соединенію двухъ вѣроисповѣданій, получившему названіе Ріобу Синтоо, буддизмъ сдѣлался въ Японіи преобладающей религіею.

При поверхностномъ взглядѣ можетъ показаться,

что роль буддизма ограничивалась освѣщеніемъ раз-
ныхъ народныхъ преданій и прибавленіемъ новыхъ
предметовъ почитанія къ тѣмъ, которыми уже пита-
лось благочестіе массъ. Сначала были поставлены въ
честь великаго индійскаго Будды тѣ колоссальныя
статуи, которыхъ совершеннѣйшій типъ представляетъ
Дайбудда, стоящій въ Камакурѣ; затѣмъ олицетворили
японскую идею верховнаго божества въ фантастиче-
скомъ образѣ Амида, котораго изображаютъ въ девяти
различныхъ видахъ, служащихъ выраженіемъ его во-
плещенія и свойственныхъ ему совершенствъ; эмбле-
мой одного изъ послѣднихъ служить собачья голова.

Между вспомогательными богами, служащими лю-
дямъ посредниками для приближенія къ божеству,
поклоненіе народа обратилось главнѣйшимъ образомъ
на Кваннона, имѣющаго въ Іеддо храмъ, посѣщаемый
чаще всѣхъ остальныхъ, а въ Кіото — знаменитый
храмъ тридцати трехъ тысячъ трехъ сотъ тридцати-
трехъ четіевъ (по-японски говорится: Саиманъ-сансинъ-
санбіокъ-сансонъ-сантаи). Это божество покоится на
цвѣткѣ лотоса, подогнувъ подъ себя лѣвую ногу; на
головѣ его покрывало, спадающее на плечо, а грудь
украшена спускающимся ожерельемъ. Колоссальный
истуканъ Кваннона, находящійся въ Кіото, имѣетъ не
менѣе сорока шести рукъ, увѣшанныхъ всякаго рода
аттрибутами, свидѣтельствующими о его могуществѣ.
Подъ именемъ Базатовъ поклоняются божественнымъ и
помогающимъ людямъ еуществамъ, сидящимъ подобно
Кваннону на цвѣткѣ лотоса; вокругъ головы у нихъ
обвита спадающая на плечи лента, а въ правой рукѣ —
лялія или лотосъ. Ниже ихъ стоятъ Арганы, окончив-
шіе уже много тысячъ лѣтъ тому назадъ весь кругъ
метемпсихозы; Гонгены, божества, возрождающіяся еще
въ человѣческомъ образѣ, Дсизно, Бутно и другія, ко-
торыхъ не къ чему здѣсь и перечислять.

Буддизмъ причелъ къ сонму боговъ и осьмнадцать

главнѣйшихъ учениковъ Сакія-гмуни—раконовъ, знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ его ученія, сенниновъ и и огромное множество мучениковъ этого ученія—мюдмовъ; всякое изъ этихъ лицъ имѣетъ свой, характеризующій его, атрибутъ, такъ что между ними отличаютъ святого съ тигромъ, съ черепахою, съ козленкомъ, съ журавлемъ; иныхъ характеризуетъ драконъ, другихъ ракъ, бамбукъ, ирисъ, каскадъ и т. д. Но это еще не все: буддизмъ создалъ царицу неба, стражей неба, изъ которыхъ нѣкоторые въ то же время и стражи различныхъ храмовъ, далѣе царей земли, царей ада, геніевъ благодѣтельныхъ, геніевъ мстительныхъ; рядомъ съ древнимъ японскимъ божествомъ солнца онъ поставилъ боговъ луны, планетъ, зодіака, духовъ дождя, вѣтра, грома; наконецъ онъ далъ небесныхъ патроновъ—покровителей врагамъ, солдатамъ, конюхамъ, охотникамъ,—словомъ, всякому классу общества и всякому роду занятій между этимъ множествомъ образовъ, величественныхъ и фантастическихъ, которые развертываетъ передъ нашими глазами буддизмъ, не всегда бываетъ легко отличить тѣ, которые принадлежатъ собственно ему. Нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, уже существовали въ Японіи до появленія тамъ буддизма. Къ этому разряду можно отнести бога вѣтровъ, Бютена, и бога грома, Райдена. Первый въ китайской миеологіи имѣетъ множество атрибутовъ, заимствованныхъ отъ оленя, отъ воробья, отъ леопарда; въ Японіи онъ изображается съ однимъ только мѣхомъ подобно золу. Что же касается до Райдена, бога грома и молніи, то это довольно смѣшной духъ, парящій въ облакахъ, съ молоточкомъ въ каждой рукѣ и бьющій въ шесть цимбалъ, расположенныхъ вокругъ головы.

Много есть также неяснаго въ происхожденіи многочисленныхъ фантастическихъ животныхъ японской миеологіи. Упомянемъ здѣсь только о тѣхъ, которые представляютъ собой хоть какой-нибудь интересъ.

Кирымъ имѣеть голову единорога, ноги оленя, а тѣло лошади; его появленіе быстрое—такъ какъ ноги его только касаются земли и не раздавливаютъ даже ползущаго по ней червяка—предвѣщаетъ рожденіе сезина, т. е. благодѣтельнаго духа, каковы Сакія, Дарма, Суситокдайзи. Гиновово и Миндеу-новово, духи огня и воды, кажется, относятся еще къ древней религіи камисовъ. „Боо“, должно быть, проникъ сюда тоже изъ Китая. Кома-ину, говорятъ, былъ ввезенъ изъ Кореи императрицей Цинго. Это животное, составляющее нѣчто среднее между львомъ и собакой, можетъ быть, создано подъ вліяніемъ воспоминанія о пещерномъ лвѣ. Можно видѣть два великолѣпныхъ экземпляра его, высѣченныхъ изъ гранита на площадкѣ передъ храмомъ Ками-гамайу, въ Симоносеки. Дріа или Држа, драконъ съ шестью когтями, похожъ на императорскаго китайскаго дракона, у котораго ногтей только пять. Онъ украшаетъ фризъ и капители нѣкоторыхъ храмовъ, а также дворцовъ тайкуна и знатнѣйшихъ дайміосовъ. Наконецъ Мооки называютъ черепаху, имѣющую собачью голову и волочащую за собой длинный и широкій хвостъ изъ плавучихъ морскихъ мховъ. Нѣкоторыя изъ подобныхъ черепахъ, по увѣренію легенды, до того стары, что на щитѣ ихъ выросли скалы, деревья и жемчугъ. Въ самыя горячія времена буддизма, то-есть въ седьмомъ и восьмомъ вѣкахъ, бонзы сами своими руками принимались за работу, когда нужно было строить храмъ или украшать его картинами и статуями.

Но если земныя искусства, особенно архитектура и ваяніе, обязаны имъ нѣкоторыми успѣхами, то о литературныхъ произведеніяхъ мало можно сказать хорошаго. Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ должны быть ученыя монастырскія сочиненія, въ тысячахъ томахъ, о лотосѣ добраго закона, двадцати восьми подраздѣленіяхъ созерпанія, о двѣнадцати сло-

вахъ Будды или о чудесной жизни безчисленныхъ аскетовъ, святыхъ и мучениковъ его религiи. Настоящее достоинство подобной литературы заключается въ томъ, что ее абсолютно невозможно читать внѣ совершенно особеннаго міра, составляющаго населеніе бонзерій, или постоянныхъ посѣтителей этихъ заведеній. И только въ одномъ отношеніи японскіе монастыри имѣютъ заслугу передъ обществомъ, нерѣдко выставляемую на видъ ихъ защитниками: два или три изъ нихъ встарину были мѣстомъ, гдѣ постоянно производились трудолюбивыя изысканія и терпѣливые опыты, единственною побудительною причиною которыхъ вначалѣ было, можетъ быть, простое любопытство, но которое наконецъ привело къ открытіямъ, имѣющимъ большую социальную важность. Въ то время, когда на японскомъ языкѣ писали исключительно китайскими знаками, одному ученому изъ секты Юто, по имени Кибики, пришла мысль упростить сложныя формы этихъ большихъ четырехугольныхъ письменъ и замѣнить ихъそろゝка семью простыми знаками, легко узнаваемыми и неизмѣнными. Эта азбука, которою съ тѣхъ поръ и стали пользоваться для замѣтокъ, примѣчаній и подстрочныхъ толкованій, называется *Катакана*. Но бонза *Кокаи*, родившійся въ 755 году и основавшій секту Сингу-Сжу, зашелъ еще далѣе по пути упрощенія китайскихъ знаковъ. Онъ выбралъ изъ нихъ такжеそろゝка семь, способныхъ изображать японскіе слоги, отнялъ у нихъ всякое переносное, или метафизическое, значеніе и далъ имъ самую простую и легко пишущуюся форму, какая только встрѣчается въ различныхъ китайскихъ системахъ письма; такимъ образомъ составила азбука, называемая *Гиракана*. Ее употребляютъ женщины, простой народъ да и сами ученые, когда пишутъ обыденныя вещи или легкія литературныя произведенія, какъ - то: романы, пѣсни и комедіи.

Всѣ японскія женщины обучаются въ дѣтствѣ азбукѣ Гиракана; другимъ азбукамъ ихъ не учать. Мужчины должны тоже знать эту азбуку, но, кромѣ того, они изучаютъ еще и Катакану, а ученые прибавляютъ къ этому еще знаніе болѣе или менѣе значительнаго числа китайскихъ знаковъ. Вслѣдствіе такого распредѣленія знаній мужчина всегда можетъ прочесть писанное женщиной, но женщина только тогда въ состояніи читать то, что написалъ мужчина, когда онъ вздумаетъ употребить азбуку Гиракана. Впрочемъ, почтенный отецъ Кокаи совершенно неповиненъ въ этой уловкѣ мужчинъ. Поэтому оба пола одинаково питаютъ къ нему заслуженное чувство благодарности безъ примѣси всякаго другого чувства. Изъ всего сонма буддистскихъ святыхъ нѣтъ ни одного, который бы пользовался болѣе всеобщимъ уваженіемъ. Народный инстинктъ безошибочно поставилъ скромнаго изобрѣтателя скорописной азбуки выше всѣхъ чудотворцевъ, о которыхъ говорится въ легендахъ. Съ одного конца имперіи до другого ему воздаются божескія почести подъ именемъ Кибодайзи, великаго учителя безконечной религіи.

VI. Религіозныя распри и проповѣдь христіанства въ Японіи.

Причины распрей. — Монастыри-крѣпости. — Вооруженныя стычки религіозныхъ партій. — Освобожденіе сіюгуномъ Фидэ-юси страны отъ монастырскихъ смутъ. Законъ этого сіюгуна о духовенствѣ. — Начало сношеній Японіи съ Португаліей. — Францискъ Ксаверій, основатель первой іезуитской миссіи въ Японіи. — Начало проповѣди христіанства. Ея успѣхъ. — Гоненіе на христіанъ въ 1589 г. и его прекращеніе въ 1592 г. по случаю войны съ Китаемъ.

Каждое изъ безчисленныхъ божествъ буддистской міеологіи получило право гражданства въ Японіи. Каждое изъ нихъ имѣло свои храмы, свои статуи, свои монашескія братства. Бонзы, монахи и монахини находились въ огромномъ числѣ во всей имперіи, осо-

бенно же въ центрѣ и въ южныхъ частяхъ Ниппона. Каждый монастырь старался превзойти всѣ другіе въ искусствѣ привлекать къ себѣ какъ можно больше и самыхъ выгодныхъ поклонниковъ. Мало-по-малу однако соперничество это сдѣлалось такимъ необузданнымъ, что зависть, постоянныя неудовольствія, наконецъ ненависть стали отравлять взаимныя отношенія нѣкоторыхъ могущественныхъ и честолюбивыхъ братствъ. Скорѣ они перешли къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Сперва императорская полиція старалась было прекратить первыя драки бритыхъ головъ, но она уже не въ состояніи была противопоставить потоку достаточно твердый оплотъ. Толпы бѣшеныхъ людей въ полномъ монастырскомъ одѣяніи, вооруженныя палками, пиками, цѣпами, ночью дѣлали набѣгъ на владѣнія непріязннаго имъ братства; они грабили или разрушали все, что встрѣчалось имъ на пути, били, оскорбляли, убивали или разгоняли обитателей монастыря, сдѣлавшагося жертвою ихъ коварнаго нападенія, и удалялись не раньше, какъ зажегши бонзерію со всѣхъ четырехъ сторонъ. Но рано или поздно обидчики, застигнутые въ свою очередь врасплохъ, подвергались той же участи. Въ теченіе XII столѣтія обитатели монастыря, находившагося на Іенсанѣ, шесть разъ сожгли бонзерію Дже-нежоси; два раза монахи этой бонзеріи обращали въ груду непла іенсанскій монастырь. Подобныя же сцены повторялись и въ другихъ частяхъ Ниппона.

Чтобы защитить свои монастыри, богатые настоятели обратили ихъ въ крѣпости. Неопытность правительства еще увеличила ихъ дерзость. Враждебныя другъ другу братства сталкивались въ полномъ вооруженіи у дверей храмовъ, которыми они владѣли въ столицахъ. Вслѣдствіе одной изъ такихъ стычекъ въ 1283 году была разрушена часть двора. Въ 1531 году пожаръ, умышленно зажженный въ одномъ изъ храмовъ Кіото, распространился на сосѣднія части города

и произвелъ страшныя опустошенія. Усилія сіюгуновъ усмирить возмутившееся братство оказались тщетными, потому что оно скрылось за крѣпкими окопами, противъ которыхъ ничего нельзя было сдѣлать. *Фидэ-Иоси* рѣшился разъ навсегда покончить съ монахами и ихъ ссорами. Онъ напалъ на самыя безпокойныя бонзеріи, занялъ ихъ своими войсками, приказалъ срыть ихъ укрѣпленія, сослалъ монаховъ, оказавшихся виновными въ нарушеніи общественнаго спокойствія, на отдаленные острова и подчинилъ все японское духовенство, не дѣлая никакого различія, надзору полиціи, дѣятельной, строгой и неумолимой. Затѣмъ онъ издалъ постановленіе, предоставляющее бонзамъ только пользованіе землями, которыми они прежде владѣли; собственникомъ же этихъ земель объявлялось правительство, получившее право распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Наконецъ онъ приказалъ высшимъ духовнымъ лицамъ какъ монашествующимъ, такъ и мірскимъ строжайшимъ образомъ ограничить себя и своихъ подчиненныхъ кругомъ дарованныхъ имъ религіозныхъ правъ и преимуществъ. Отъ этого закона японское духовенство уже никогда не отступало.

Внутри своихъ бонзерій священники совершаютъ богослуженіе передъ алтаремъ, на глазахъ народа, въ святилищѣ, отдѣленномъ отъ толпы амвономъ. Къ послѣдней они обращаются только тогда, когда говорятъ проповѣди, что бываетъ только въ праздничные дни, специально назначенные для этого. Процессіи имъ позволено устраивать только въ извѣстные дни года подъ надзоромъ правительственныхъ учреждений и чиновниковъ, завѣдующихъ общественными церемоніями. Что касается до ихъ пастырской дѣятельности, то она заключена въ такіе тѣсные предѣлы, что положительно нельзя найти никакого другого слова для охарактеризованія ихъ дѣятельности, кромѣ слова *погрѣшитель*, взятаго въ самомъ тривіальномъ значеніи. Въ

самомъ дѣлѣ, на бонзахъ лежитъ обязанность совершать всѣ таинственные обряды, которыми японцы, къ какой бы сектѣ они ни принадлежали, обставляютъ обыкновенно послѣднія минуты умирающихъ; они же идутъ впереди похороннаго шествія и распоряжаются по порученію родственниковъ умершаго погребеніемъ или сожженіемъ его трупа, а также и освященіемъ, и содержаніемъ въ порядкѣ могилы. Если имъ безусловно предоставляютъ все, что относится къ области смерти, то полиція зорко слѣдитъ за ихъ сношеніями съ обществомъ живыхъ.

Большая часть лицъ, принадлежащихъ къ бѣлому духовенству, женаты и поддерживаютъ тѣсныя сношенія съ небольшимъ кругомъ близкихъ родственниковъ и сосѣдей. Тѣмъ строже наказанія, которымъ они подвергаются за свои проступки. Рассказываютъ, что видѣли на базарѣ Іокагамы стараго бонзу, который долженъ былъ три дня сряду простоять на колѣняхъ на солнечномъ зноѣ на скверной рогожѣ; онъ держалъ въ рукахъ маленькій креповый платочекъ, которымъ обтиралъ потъ, ручьями лившійся съ его лысой головы. Надпись, помѣщенная впереди него на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, возвѣщала толпѣ, что этотъ несчастный тайно занимался медициной и даже находился въ незаконной связи съ одной изъ своихъ пациентокъ, за что правосудіе тайкуна присудило его къ пожизненному изгнанію послѣ предварительной выставки у позорнаго столба.

Въ 1586 году, вскорѣ послѣ того, какъ Фидэ-Іоси освободилъ имперію отъ монастырскихъ смуть, странныя извѣстія обратили его вниманіе на островъ Кіу-Сіу. Въ это время торговля Японіи съ портами азіатскихъ острововъ и материка не была подвержена никакимъ стѣсненіямъ. Владѣтель области Бунго, гостепріимно принявшій лѣтъ сорокъ тому назадъ португальскихъ искателей приключеній, выброшенныхъ

сурею на его берегъ, тотчасъ же поспѣшили доставить имъ средства вернуться въ Гоа, предложивъ имъ прислать ему ежегодно корабль, нагруженный товарами, которымъ можно было ожидать сбыта на туземныхъ рынкахъ. Такимъ образомъ основались и развились совершенно свободно сношенія Португалли съ Японіей. Во время одного изъ своихъ первыхъ путешествій португальскій корабль при отправленіи своемъ обратно въ Гоа тайнымъ образомъ далъ у себя пріютъ одному японцу изъ высшаго сословія, по имени Гансиро, совершившему убійство. Знаменитый іезуитъ Францискъ Ксаверій, недавно прибывшій въ Гоа, занялся религіознымъ образованіемъ японскаго бѣглеца и окрестилъ его. Въ 1549 году на островѣ Кіу-Сіу поселилась при содѣйствіи Гансиро первая іезуитская миссія подъ управленіемъ самого Франциска Ксаверія. Сначала, когда миссіонеры нашли въ Японіи столько учрежденій, обрядовъ и предметовъ поклоненія, почти совершенно сходныхъ съ тѣми, которые они привезли туда, ими овладѣло изумленіе, потомъ священный ужасъ. Не обращая вниманія на древность буддизма, они объявили, что эта религія можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ дьявольскою передѣлкою истинной церкви. Однако, они очень скоро замѣтили, что этимъ обстоятельствомъ можно воспользоваться въ интересахъ ихъ же пропаганды. Господствующая религія доставляла множество полезныхъ точекъ соприкосновенія и разнаго рода предлоговъ или случаевъ, удобныхъ для того, чтобы начать дѣло, для котораго іезуиты пріѣхали. Но какъ бы то ни было, эта первая миссія имѣла огромный успѣхъ, и послѣдующія происшествія даютъ намъ даже право полагать, что благодаря апостольскому рвенію и силѣ краснорѣчія Франциска Ксаверія во всѣхъ сословіяхъ японскаго общества произошли многочисленныя искреннія обращенія въ христіанскую вѣру. Тогда нѣкоторые лица изъ высшаго

буддистскаго духовенства, опасаясь за свою религію, обратились къ микадо со всеподданнѣйшими предостереженіями.

— Сколько по вашему мнѣнію существуетъ въ моемъ государствѣ различныхъ сектъ?—спросилъ ихъ микадо.

— Тридцать пять, — отвѣтили они, не задумываясь.

— Ну, такъ это будетъ тридцать шестая, — возразилъ имъ шутникъ-императоръ.

Но сіюгунъ Фидэ-Іоси смотрѣлъ на это дѣло съ другой точки зрѣнія. Прежде всего его поразило то обстоятельство, что чужеземные миссіонеры старались не только распространить свое ученіе между народомъ, но и приобрести расположеніе крупныхъ вассаловъ имперіи, и что анархическія стремленія послѣднихъ непонятнымъ образомъ поддерживались и усиливались ихъ сношеніями съ этими священниками; потомъ Фидэ-Іоси открылъ, что послѣдніе постоянно говорили о самодержавномъ первосвященникѣ, носящемъ тройную корону и могущемъ по своему усмотрѣнію свергать величайшихъ монарховъ, раздавать своимъ любимцамъ государства Европы и даже располагать новооткрытыми материками. Наконецъ онъ обратилъ вниманіе на то, что послы этого грознаго западнаго владыки уже нашли приверженцевъ при дворѣ микадо и основали домъ въ его столицѣ; что покойный сіюгунъ Нобунаго открыто былъ ихъ другомъ и покровителемъ и что въ его (Фидэ-Іоси) собственномъ сіюгунскомъ дворцѣ, по всей вѣроятности, велись какія-то темныя интриги между приближенными его молодого сына, который долженъ былъ наследовать его власть.

Фидэ-Іоси сообщилъ свои замѣчанія и опасенія опытному служителю, которому онъ уже не разъ давалъ самыя деликатныя порученія. Мрачный и глубокій умъ этого довѣреннаго лица, получившаго въ исторіи Японіи

громкую извѣстность подъ именемъ Гіэйяса, весь сосредоточился на изслѣдованіи степени опасности. Незадолго до этого времени было отправлено въ Римъ посольство, состоящее изъ японцевъ христіанскаго вѣроисповѣданія и во главѣ котораго стоялъ отецъ *Валиньяни*, начальникъ ордена іезуитовъ. Гіэйясъ доставилъ своему господину несомнѣнные доказательства того, что владѣтели областей *Буно*, *Омура* и *Арима* написали при этомъ случаѣ къ духовному императору христіанъ, папѣ Григорію XIII, посланія, въ которыхъ объявляли, что преклоняются къ его стопамъ и благоговѣютъ передъ нимъ, какъ передъ верховнымъ владыкою и единственнымъ представителемъ Бога на землѣ. Сіюгуиъ сначала сдерживалъ свой гнѣвъ, чтобы сдѣлать свою месть болѣе полной и блестящей. Онъ употребилъ три года на подготовку, съ помощью своего любимца, замышляемаго имъ удара. Наконецъ въ іюнѣ 1589 года его войска уже находятся на своихъ мѣстахъ; они расположены въ подозрительныхъ областяхъ *Kiy-Ciu* и южнаго берега Ниппона, готовые подавить всякую попытку къ сопротивленію. Тогда въ одинъ прекрасный день былъ обнародованъ приказъ сіюгуна, будто бы отъ имени микадо вышло приказаніе искоренить христіанство во всей странѣ въ шестимѣсячный срокъ; въ видѣ экзекуціонныхъ мѣръ онъ предписывалъ: навѣки изгнать чужеземныхъ миссіонеровъ, объявивъ имъ, что за ихъ возвращеніе будетъ назначена смертная казнь; немедленно закрыть всѣ ихъ школы, срыть церкви и уничтожить кресты вездѣ, гдѣ они находились; перемѣнившіе же вѣру туземцы должны были отречься отъ новаго ученія въ присутствіи правительственныхъ чиновниковъ. Въ то же самое время, чтобы засвидѣтельствовать предъ лицомъ всего народа согласіе между духовной и свѣтской властью, микадо удостоилъ своего намѣстника торжественнаго посѣщенія. Вѣрный же Гіэйясъ въ награду за свои услуги

былъ возведенъ въ санъ перваго министра и назначенъ губернаторомъ восьми провинцій.

Всѣ мѣры, предписанныя приказомъ сiогуна, были въ точности исполнены, кромѣ одной, и именно той, которая по мнѣнію бывшаго конюха Дапри должна была встрѣтить всего меньше затрудненій. Къ его величайшему изумленію туземные христіане всѣхъ возрастовъ и половъ положительно отказались отречься отъ своей вѣры. Онъ конфисковалъ имущество состоятельныхъ послушниковъ и роздалъ ихъ своимъ приближеннымъ; другіе были заключены въ темницы или сосланы на отдаленные острова. Но эти мѣры не произвели никакого дѣйствія. Тогда непокорнымъ стали угрожать смертію. Они подставляли свои головы мечамъ палачей съ неизвѣстнымъ никому дотолѣ самоотверженіемъ. Очень часто они привлекали къ себѣ участіе толпы, громко исповѣдуя передъ смертію свою вѣру. Казни стали тогда разнообразиться. Зажглись костры, подобно тому, какъ это дѣлалось въ *Иоа* по приказанію португальской инквизиціи. Распятие на крестѣ также выпало на долю многихъ жертвъ. Въ Японіи распинаемаго прибавляютъ ко кресту, имѣющему двѣ горизонтальныя перекладины, изъ которыхъ къ верхней прикрѣпляютъ руки, а къ нижней ноги. Въ такомъ положеніи оставляютъ прибитаго съ утра до вечера. При закатѣ солнца два палача, стоящіе одинъ по правую, а другой по лѣвую руку его, вонзаютъ ему подъ мышки два длинныхъ копья, желѣзо которыхъ должно выйти наружу и скреститься позади шеи; затѣмъ трупъ оставляютъ на крестѣ еще на цѣлыя сутки.

Японскіе мученики не уступали относительно твердости въ вѣрѣ первымъ христіанамъ. Голландецъ *Франсуа-Каронъ*, очевидецъ послѣднихъ степеней гоненія, говорить, что рѣдкіе примѣры отреченія, сдѣлавшіеся ему извѣстными, почти всегда были выну-

ждены пыткой, болѣе ужасною, нежели казнь на крестѣ или на кострѣ. Она состояла въ томъ, что жертву вѣшали внизъ головой въ сухой колодезь, такъ что только ноги возвышались надъ его краями, которые плотно прикрывались досками для того, чтобы внутри колодезя была совершенная темнота. Смерть только и избавляла несчастную жертву отъ ея страданій.

Три года сряду исполнители воли сіюгуна тщетно давали волю своему утонченному варварству и грубости, проявлявшейся въ изобрѣтеніяхъ свирѣпыхъ, отвратительныхъ, которыхъ невозможно описать. Они казнили въ это время болѣе ста двадцати пяти тысячъ жертвъ, — мужчинъ и женщинъ, юношей и дѣвушекъ, стариковъ и маленькихъ дѣтей. Наконецъ въ 1592 году вслѣдствіе начавшейся войны съ Китаемъ гоненіе заглохло.

Подводя итогъ всему сказанному о религіозномъ бытѣ японцевъ, нельзя еще разъ не упомянуть о томъ, что духовенство въ Японіи и религія, имъ поддерживаемая, находятся не въ завидномъ положеніи. Правда, представители микадо при дворѣ тайкуна и нѣкоторые провинціальныя вельможи удостаиваютъ его своимъ покровительствомъ; но великодупшіе феодальнаго дворянства въ Іеддо остается совершенно чуждо ко всему тому, что дѣлается въ столицѣ какъ относительно религіи, такъ и остального. Оно скорѣе предпочитаетъ оказывать вспоможеніе домашнему священнику, чѣмъ поддержаніе какого бы то ни было культа. Все, что оно соблаговолило сдѣлать изъ снисхожденія къ древней національной религіи—это позволило жрецамъ Ками посылать разъ въ годъ сборщиковъ въ аристократическіе кварталы. Жрецы же въ свою очередь, считая не лишнимъ подогрѣть щедрость высшихъ классовъ приманками набожнаго жонглерства, придумали учредить два класса увесилительныхъ сборщиковъ, а именно: жрецъ-гадальщикъ и жрецъ-танцовщикъ. И посреди такого

смѣха и рукоплесканій благородныхъ феодальныхъ фамилій собирается святое подаваніе въ каждомъ дворцѣ, несмотря на то, что политическое существованіе ихъ самихъ опирается преимущественно на эту религію, которую они дѣлаютъ смѣшною. Но какъ бы ни были велики заслуги жрецовъ и [бонзъ, наступитъ день, когда они будутъ имѣть лишь историческое значеніе. Когда падетъ владычество варваровъ, существованіе монашества не будетъ имѣть болѣе смысла и когда земля сдѣлается собственностью рабочаго класса, сельское населеніе, конечно, не пожалѣетъ о господствѣ бонзъ.

Политическія учрежденія Японской имперіи даже въ послѣднее время осуждаютъ землевладѣльца на существованіе въ жалкихъ хижинахъ и не позволяютъ ни ремесленнику, ни даже богатому негодіанту выходить за черту города; они держатъ людей привилегированной касты въ заключеніи за высокими стѣнами казармъ и крѣпостей. Что же касается духовныхъ заведеній, то они попадаютъ на каждомъ шагу въ городахъ и окрестностяхъ, являя повсюду свои погребальныя холмы и монастырскія мрачныя кельи, омрачающія столицу и ея роскошныя окрестности, и представляя ту неподвижную рамку, въ которой заключена была обветшалая социальная организація, отжившая уже свой вѣкъ.

VII. Государственный бытъ японцевъ *).

Вступленіе на престолъ въ 1867 году императора Мутсу-хито. — Государственный переворотъ въ странѣ, уничтоженіе сіюгуната. — Провозглашеніе конституціи въ 1889 г. — Открытіе парламента въ 1890 г. — Сущность японской конституціи. — Положеніе и власть микадо. — Устройство парламента. — Общій взглядъ на государственное устройство Японіи.

Бросивъ бѣглый взглядъ на происхожденіе и жизнь японскаго народа, умѣстно будетъ теперь упомянуть

*) См. «Библіотека Самообразованія», июнь 1904 г. Статья Ранцова.

также и о его государственномъ и социальномъ устройствѣ. Какъ то, такъ и другое развивалось совершенно самостоятельно въ теченіе долгаго времени,—съ тѣхъ поръ, какъ японцы завладѣли нынѣшнимъ прекраснымъ отечествомъ. Какъ великъ этотъ періодъ, трудно сказать: японская исторія начинается едва только съ 3-го столѣтія по Р. Х., что же совершилось раньше—всѣ касающіяся этого свѣдѣнія носятъ лишь легендарный характеръ. Вѣрно одно, что японскій народъ остался несмѣшаннымъ. Чужеземцы приходили въ страну эту рѣдко и оказывали весьма небольшое вліяніе на жизнь и культуру туземцевъ. Такимъ образомъ національность японцевъ осталась почти совсѣмъ нетронутою; они умѣли всегда стойко выдерживать нападенія противниковъ.

Едва ли можно найти въ исторіи другой примѣръ такой кровной аристократіи, какая существуетъ въ Японіи. Исторія этой страны до настоящаго времени распадается на два явственные періода, именуемые японцами *ошей* и *гащей*. Первый изъ нихъ тянется до 1192 года христіанской эры и обнимаетъ время самодержавнаго царствованія микадо или военныхъ императоровъ, мало-по-малу превратившихся въ духовныхъ королей. Это—древній періодъ исторіи. Второй періодъ охватываетъ собою время развитія могущества сіюгуновъ (слово сіюгунъ означаетъ временныхъ правителей, или военныхъ властителей, которыхъ европейцы долгое время называли неподходящимъ именемъ *тайкуновъ*). Эти сіюгуны завѣдывали дѣлами всей Японіи подъ управленіемъ микадо съ конца XII вѣка и до начала XVIII—отъ Миноmano Юрито, бывшаго основателемъ ихъ могущества, и до Гейяса, прозваннаго Гогензама; это былъ тридцать второй сіюгунъ, сдѣлавшій изъ Іеддо политическую столицу Японіи и создавшій новую династію. Такъ продолжалось до 1867 года, когда умеръ императоръ Комей и на престолъ всту-

пилъ нынѣ царствующій микадо Мутсу-хито, ознаменовавшій свое вступленіе на престолъ тѣмъ, что для иностранцевъ былъ открытъ портъ Хіо-го. По этому поводу снова возникли было безпорядки, но сіюгуну удалось скоро ихъ подавить.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1867 года одинъ изъ феодаловъ Японіи „Ямано-уни-Тое-нобу“ обратился къ этому сіюгуну съ предложеніемъ передать власть въ руки самаго микадо, указывая, что два центра администраціи, существующіе въ Японіи, мѣшаютъ ей встать въ уровень съ европейскими государствами, съ которыми теперь ей, несомнѣнно, придется считаться. Послѣ непродолжительныхъ колебаній вопросъ о сіюгунатѣ былъ рѣшенъ, и въ концѣ 1867 года императоръ принялъ на себя веденіе всѣхъ дѣлъ Японіи. Дѣло, конечно, не обошлось безъ борьбы съ бывшимъ сіюгуномъ и феодалами, и лишь въ 1869 г. микадо удалось подавить всѣ сопротивленія и окончательно покорить себѣ всѣхъ феодаловъ. Послѣ этого феодализмъ въ Японіи палъ, и даже самое названіе феодаловъ—*дайміо*—было окончательно уничтожено.

Въ послѣдующіе годы японская имперія вступила уже на путь реформъ въ духѣ европейской цивилизаціи, но врядъ-ли можно думать, что японцы приняли эти реформы изъ сознанія ихъ дѣйствительнаго достоинства. По всей вѣроятности, эта европейская цивилизація была принята ими лишь для того, чтобы впослѣдствіи они могли стать въ уровень съ Европой и начать борьбу съ европейцами ихъ же оружіемъ.

Тотчасъ же по упраздненіи сіюгуната и восстановленіи власти микадо нынѣ царствующій японскій императоръ принялъ на себя торжественное обязательство ввести въ своемъ государствѣ конституціонную форму правленія. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи была организація ежегоднаго съѣзда губернаторовъ

всѣхъ департаментовъ (губерній). На этомъ съѣздѣ, который еще и теперь ежегодно собирается въ Токио, обсуждаются общегосударственные вопросы и мѣропріятія.

Въ 1875 году былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ въ видѣ организаціи изъ лицъ, выдающихся своими заслугами, сената, облеченнаго законодательною властью, но въ довольно-таки узкихъ рамкахъ. Но такія робкія уступки и полумѣры не удовлетворили общество, и въ странѣ велась усиленная агитація въ пользу введенія конституціи; агитація эта нашла себѣ видную поддержку въ нарождавшейся періодической печати. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія микадо рѣшился приступить къ выполненію своего обѣщанія и въ 1881 году издалъ рескриптъ, сообщавшій о назначеніи комисіи изъ юрисконсультовъ и государственныхъ дѣятелей для выработки конституціи, которую предполагалось обнародовать въ 1890 г. Комиссія эта выказала однако такое усердіе при выполненіи возложенной на нее задачи, что торжественное обнародованіе японской конституціонной хартіи состоялось годомъ раньше, а именно 11 февраля 1889 года. Оно было ознаменовано блестящимъ народнымъ празднествомъ.

Въ іюлѣ слѣдующаго затѣмъ года произведены были первые выборы, а 29 ноября 1890 года состоялось торжественное открытіе первой сессіи японскаго парламента самимъ императоромъ.

Собственно говоря японская конституціонная хартія, состоящая изъ 7 главъ и 76 статей, представляетъ собою сколокъ съ подобныхъ же западно-европейскихъ хартій. Особенно же много позаимствовано изъ конституціи прусскаго королевства. Отсутствие либеральныхъ традицій у самого японскаго народа чрезвычайно затрудняло согласованіе національныхъ японскихъ идей, нравовъ и обычаевъ съ совершенно чуждыми имъ

конституціонными порядками. Въ результатъ японская конституціонная хартія, несмотря на то, что она принадлежитъ къ числу наиболѣе подробныхъ документовъ этого рода, далеко не всегда свободна отъ противорѣчій.

Конституція содержитъ въ себѣ особую главу „о правахъ и обязанностяхъ гражданъ“. Въ ней между прочимъ провозглашаются: свобода передвиженія, личная неприкосновенность, тайна почтовой корреспонденціи, свобода вѣроисповѣданія (поскольку данная религія не противорѣчитъ миру и общественному порядку и не является препятствіемъ къ выполнению обязанностей подданнаго), свобода слова и печати, свобода собраний и ассоціацій, право подачи петицій. Императоръ, которому присвоенъ титулъ „*тенно* *)“, является главою государства, сохраняя за собой всѣ права верховной власти, но пользуется ею согласно съ дарованной имъ же самимъ конституціей.

Особа императора считается священной и неприкосновенною. Онъ утверждаетъ законы, а также предписываетъ ихъ обнародованіе и выполненіе. Никакая мѣра, хотя бы даже одобренная большинствомъ въ обѣихъ палатахъ парламента, не можетъ получить силу закона, если не будетъ утверждена императоромъ. Въ случаяхъ настоятельной необходимости императоръ самъ издаетъ указы, имѣющие силу закона до тѣхъ поръ, пока собравшійся парламентъ не выскажется противъ нихъ категорически. Въ послѣднемъ случаѣ

*) Выраженіе «*микадо*», которымъ пользуются иностранцы, какъ наименованіемъ японскаго императора, въ самой Японіи употребляется только въ поэзіи или въ особо торжественныхъ случаяхъ. Обыкновенно же употребляются четыре термина для обозначенія императора—всѣ происхожденія китайскаго: «*тен-си*» (сынъ неба), «*сондзо*» (верховный повелитель), «*ко-теи*» (государь) и «*тенно*» (божественный императоръ); послѣднее выраженіе употреблено въ подлинномъ текстѣ конституціи.

указы эти теряют силу закона. Если же императорскій указъ будетъ одобренъ парламентомъ, то онъ становится закономъ прямо, уже не проходя черезъ процедуру вторичнаго обнародованія съ утвержденіемъ императора. При этомъ выставляется однако въ конституціи требованіе, чтобы такіе единоличные императорскіе указы не противорѣчили существующимъ законамъ.

Императоръ опредѣляетъ организацію каждой изъ отраслей государственнаго управленія, устанавливаетъ размѣръ жалованья всѣмъ должностнымъ лицамъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, назначаетъ ихъ на должности и отрѣшаетъ отъ таковыхъ. Онъ является верховнымъ главнокомандующимъ японскихъ армій и военнаго флота, опредѣляетъ ихъ организацію и составъ по мирному положенію, объявляетъ войну, оканчиваетъ ее миромъ и заключаетъ различные договоры съ иностранными державами, объявляетъ осадное положеніе, жалуетъ титулами, чинами, орденами и другими знаками отличія; ему также предоставляется держать амнистію, помилованіе, смягчать наказанія, назначенныя по суду, а также возвращать утраченныя гражданскія и политическія права. Смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ составляются по соглашенію съ парламентомъ. Установленіе новыхъ налоговъ и всякое измѣненіе въ распредѣленіи податнаго обложенія должно быть облечено въ форму соответственнаго закона. Если по какимъ-либо причинамъ правительство не можетъ созвать парламентъ, то императору предоставляется вводить своими указами необходимыя финансовыя мѣропріятія. Въ случаѣ войны или же внутреннихъ смутъ императоръ пользуется верховною властью, не принимая во вниманіе гарантій, которыя обеспечиваются гражданамъ въ различныхъ статьяхъ конституціонной хартіи. Если бы потребовалось произвести какія-либо измѣненія въ конституціи, то

проектъ такихъ измѣненій долженъ быть представленъ императоромъ на разсмотрѣнiе парламента.

Право наслѣдованiя престола представляется конституціей потомкамъ императора исключительно мужского пола, а порядокъ престолонаслѣдiя статутомъ императорскаго дома 1898 года установленъ слѣдующій: 1) старшій сынъ и его потомки; 2) всѣ другіе сыновья съ ихъ потомками; 3) братья императора съ ихъ потомками; 4) дяди императора съ ихъ потомками и 5) наиболѣе близкій по родству принцъ. Нынѣ царствующій императоръ Мутсу-хито, родившійся 3 ноября 1852 года, вступившій на престолъ въ 1867 году, женился въ 1869 году на принцессѣ Харуко, родившейся 28 мая 1850 года. Бракъ этотъ остался бездѣтнымъ, и императоръ, чтобы продолжить свой родъ, взялъ себѣ согласно обычаямъ страны нѣсколько наложницъ, отъ которыхъ имѣлъ 12 дѣтей— 7 дочерей и 5 сыновей. Сыновья всѣ перемерли, за исключеніемъ третьяго изъ нихъ Юши-Хито-Хару-номія, который родился 31 августа 1879 года; въ 1887 году онъ былъ объявленъ наслѣдникомъ (которому присвоенъ титулъ *Хару*, т. е. *весна*) и въ 1900 году вступилъ въ бракъ съ принцессою Садою; отъ этого брака въ 1901 году родился сынъ.

Законодательная власть императора ограничена условіемъ пользоваться таковой при содѣйствіи и съ согласія обѣихъ палатъ парламента. Императоръ созываетъ парламентъ, открываетъ, закрываетъ и временно останавливаетъ его сессію, а также сохраняетъ за собою право распустить парламентъ; но съ другой стороны въ конституціонной хартіи имѣются статьи, согласно которымъ парламентъ долженъ созываться ежегодно и не менѣе, какъ на трехмѣсячный срокъ.

Парламенту предоставлены слѣдующія права: 1) принимать петиціи, 2) обращаться къ императору со всеподданнѣйшими адресами, 3) обращаться къ пра-

вительству съ запросами и требовать у него объясненія и 4) слѣдить за правильнымъ выполненіемъ государственной росписи доходовъ и расходовъ.

Японскій имперскій парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: 1) палаты господъ (казокуинъ) и палаты депутатовъ (сургинъ). Палата господъ, или верхняя палата, состоитъ: 1) изъ членовъ императорской фамиліи, 2) изъ всѣхъ князей и маркизовъ, достигшихъ 25-лѣтняго возраста, 3) изъ выборныхъ отъ графовъ, виконтовъ и бароновъ (каждый изъ этихъ трехъ разрядовъ высшаго дворянства посылаетъ въ палату господъ одну пятую своихъ членовъ), 4) изъ лицъ, специально назначенныхъ императоромъ въ виду ихъ глубокихъ свѣдѣній или же заслугъ, оказанныхъ государству, и 5) изъ утвержденныхъ правительствомъ выборныхъ, по одному отъ каждого города, изъ числа гражданъ, уплачивающихъ государству всего болѣе прямыхъ налоговъ. Члены двухъ послѣднихъ категорій не должны быть моложе тридцатипятилѣтняго возраста, и общее число ихъ не должно превышать числа членовъ первыхъ трехъ категорій. Всего членовъ въ палатѣ господъ около 300. Выборные члены назначаются на семилѣтній срокъ, всѣ же остальные признаются пожизненными.

Маркизъ Ито, наиболѣе опытный чловѣкъ и авторитетный государствовѣдъ въ Японіи, полагаетъ, что верхняя палата такого состава представляетъ самыя надежныя гарантіи для поддержанія равновѣсія между политическими властями, для обезпеченія спокойствія и благосостоянія государства, для сохраненія полной гармоніи между правительствомъ и подданными.

Что касается палаты депутатовъ, или нижней палаты, то по закону, дѣйствовавшему до послѣдняго времени, избирателемъ могъ быть только японскій подданный, въ возрастѣ не моложе 25 лѣтъ, уплачивающій не менѣе 15 іенъ прямыхъ налоговъ. Не мо-

гутъ быть народными представителями чиновники императорскаго двора, судьи, чиновники государственнаго контроля, сборщики податей и лица духовнаго званія, занимающіяся богослуженіемъ.

Этотъ избирательный законъ вызвалъ противъ себя большое неудовольствіе, что станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что японцевъ въ возрастѣ не моложе 25 лѣтъ насчитывается болѣе 16 милліоновъ, а изъ этого числа всего лишь пятьсотъ десять тысячъ человекъ уплачиваетъ требуемую избирательнымъ указомъ сумму прямыхъ налоговъ. За вычетомъ лицъ, которые не могутъ быть по различнымъ причинамъ избирателями, найдемъ, что въ дѣйствительности на тысячу великовозрастныхъ японцевъ приходится лишь одиннадцать избирателей. Понятно, что при такихъ условіяхъ японскій парламентъ является представителемъ ничтожнаго меньшинства населенія.

Въ февралѣ 1900 года былъ обнародованъ новый избирательный законъ, по которому имущественный цензъ японцевъ уменьшенъ для избирателей до 10 іенъ прямыхъ податей и совершенно отмѣненъ для избираемыхъ. Число членовъ нижней палаты увеличено до трехсотъ шестидесяти девяти, приняты нѣкоторыя мѣры предосторожности противъ подкупа избирателей, и увеличено число депутатовъ отъ торгово-промышленнаго класса населенія.

Большинство японскихъ депутатовъ мало подготовлено къ выполненію своихъ обязанностей, а потому вся работа производится парламентскими комиссіями при участіи представителей отъ министерства.

Въ случаѣ разногласія между обѣими палатами относительно какого-либо важнаго законопроекта назначается смѣшанная комиссія, старающаяся найти почву для соглашенія. Благодаря усердной работѣ въ комиссіяхъ японскія палаты успѣваютъ разсмотрѣть безъ особенныхъ для себя хлопотъ множество зако-

нопроектовъ. Такъ, въ трехмѣсячную сессію съ декабря 1898 года по мартъ 1899 года палата депутатовъ голосовала 284 рѣшенія (среднимъ числомъ по четыре въ день) и все очень серьезнымъ вопросамъ. Такая изумительная скорость въ работѣ объясняется отсутствіемъ сколько-нибудь серьезныхъ преній. Палата во всѣхъ случаяхъ послушно руководствуется мнѣніями своихъ комиссій.

Такъ какъ засѣданіе палаты сводится къ простой формальности, то министры никогда почти въ нихъ не присутствуютъ. Они не находятъ нужнымъ слѣдить за преніями и лишь изрѣдка заходятъ въ палату, а при обсужденіи большинства законопроектовъ посылаютъ вмѣсто себя правительственныхъ комиссаровъ, юрисконсультовъ и другихъ специалистовъ, участвовавшихъ въ разработкѣ законопроектовъ въ комиссияхъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ палатѣ мѣсто, занимаемое депутатомъ, опредѣляется номеромъ, который онъ получить по жребію. Такимъ образомъ въ японской палатѣ нѣтъ обычной въ европейскихъ парламентахъ группировки депутатовъ на лѣвую, правую, центръ и т. п. Вожди партій находятъ это до чрезвычайности неудобнымъ.

Президентъ и вице-президентъ палаты господъ назначаются императоромъ, а президентъ и вице-президентъ палаты депутатовъ утверждаются императоромъ изъ кандидатовъ, избранныхъ палатою въ числѣ трехъ для каждаго поста; императоръ почти всегда останавливаетъ свой выборъ на кандидатѣ, получившемъ большинство голосовъ въ палатѣ.

Президенты палатъ получаютъ содержаніе по 5000 іенъ въ годъ, вице-президенты по 3000 іенъ, а члены обѣихъ палатъ по 2000 іенъ, кромѣ прогонныхъ.

Министры въ Японіи не отвѣтственны передъ парламентомъ и не обязаны слѣдовать его указаніямъ.

По закону они отвѣтственны только передъ императоромъ за совѣты, которые они ему подаютъ, такъ какъ всѣ императорскіе указы и предписанія, относящіеся до государственныхъ дѣлъ, равно какъ и утверждаемые имъ законы, должны быть, въ силу 55-ой статьи конституціи, скрѣплены подписью министра. На самомъ же дѣлѣ палата депутатовъ имѣетъ возможность вліять на дѣятельность министровъ. Она обращается къ кабинету министровъ сперва съ запросомъ; если онъ не отвѣчаетъ или если его отвѣтъ признается неудовлетворительнымъ, палата обращается къ нему съ представленіемъ; если и это не поможетъ, то она представляетъ императору жалобу въ формѣ всеподданнѣйшаго адреса. Предложеніе вотировать такой адресъ можетъ быть допущено къ обсужденію только въ томъ случаѣ, когда оно вносится по меньшей мѣрѣ 30 депутатами.

Самымъ важнымъ оружіемъ въ рукахъ парламента является возможность отвергнуть финансовыя предложенія министровъ и отказать имъ въ необходимыхъ средствахъ.

Когда разногласіе между народными представителями и кабинетомъ министровъ обостряется и грозитъ парализовать законодательную дѣятельность, императоръ распускаетъ палату. Это свое право императоръ осуществляетъ довольно часто: со времени созванія перваго парламента въ 1890 году распушеніе палаты примѣнялось уже по крайней мѣрѣ разъ пять. Съ другой стороны вліяніе парламентской оппозиціи проявилось въ томъ фактѣ, что за первое десятилѣтіе существованія конституціи въ Японіи смѣнилось девять министровъ.

Итакъ, парламентъ въ Японіи не можетъ вызвать паденія кабинета, не можетъ заставить выйти въ отставку министровъ, лишившихся его довѣрія. Отсюда слѣдуетъ, что Японія должна быть отнесена къ типу

монархій „представительныхъ“, а не „парламентарныхъ“ *).

Высшими государственными учреждениями въ Японіи считаются „кабинетъ министровъ“ и „государственный совѣтъ“. Предсѣдателемъ въ кабинетѣ министровъ, т. е. министромъ-президентомъ, зачастую состоитъ министръ безъ портфеля, т. е. министръ, не завѣдывающій какою-либо опредѣленною отраслью управленія. Кабинетъ слагается изъ десяти министровъ съ портфелями: 1) иностранныхъ дѣлъ, 2) внутреннихъ дѣлъ, 3) финансовъ, 4) юстиціи, 5) народнаго просвѣщенія, 6) земледѣлія и торговли, 7) путей сообщенія, 8) военнаго, 9) морского и 10) префекта полиціи. Что касается 11) министра императорскаго двора, то онъ не принимаетъ участія въ засѣданіяхъ кабинета, руководящаго всей внѣшной и внутренней политикой Японіи. Жалованье министрамъ полагается въ размѣрѣ шести тысячъ іенъ въ годъ.

На ряду съ кабинетомъ министровъ существуетъ еще „государственный совѣтъ“, состоящій изъ предсѣдателя, его товарища и двадцати пяти членовъ по назначенію императора. Каждый министръ считается

*) Конституціонныя монархіи дѣлятся на два типа: „представительныя“ и „парламентарныя“. И въ тѣхъ, и въ другихъ монархіи дѣлятъ свою власть съ парламентомъ, но въ первыхъ за нимъ остается вся полнота исполнительной власти, тогда какъ во вторыхъ монархъ „царствуетъ, но не управляетъ“, такъ какъ исполнительную власть онъ отправляетъ черезъ посредство министровъ, отвѣтственныхъ передъ парламентомъ. Въ монархіяхъ представительныхъ (напр. Пруссія, Баварія) министры отвѣтственны только передъ самимъ монархомъ, назначаются и смѣщаются имъ; права и вліяніе парламента обезпечиваются въ такихъ государствахъ (хотя весьма недостаточно) его правомъ утверждать бюджетъ, т. е. росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Въ монархіяхъ парламентныхъ (напр. Англія, Бельгія) министры отвѣтственны передъ парламентомъ; они назначаются монархомъ, но министры, которымъ парламентъ выразилъ свое недовѣріе, по большей части выходятъ въ отставку.

вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ государственнаго совѣта.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ періодъ реформъ предшествовавшихъ введенію конституціи, Японія сдѣлала значительные успѣхи. Судьбами ея управляли далеко не дюжинные государственные дѣятели, которые приобрѣли довѣріе народа и микадо благодаря выказанному ими искусству и здравому пониманію интересовъ страны. Всѣ мѣропріятія этихъ государственныхъ людей были направлены къ прогрессу и ко благу страны и увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Но отсутствіе отвѣтственнаго передъ парламентомъ министерства неблагопріятно отражается и на престижѣ микадо. Въ глазахъ народной массы микадо все еще облеченъ ореоломъ божественнаго происхожденія, онъ—символь государства, воплощеніе того горячаго чувства патріотизма, которое въ высокой степени присуще японцамъ и выдѣляетъ ихъ изъ среды всѣхъ народовъ Востока. Но несомнѣнно, что столь возвышенное понятіе о государѣ поддерживалось въ народѣ главнымъ образомъ тѣмъ, что микадо держался вдали отъ людей и отъ ихъ страстей. „Нашъ императоръ,—говорить одинъ японскій историкъ,—въ теченіе цѣлыхъ столѣтій жилъ за ширмою, никогда не ступая ногою на землю; ничто происходящее во внѣшнемъ мірѣ не достигало его священныхъ ушей“. Вотъ почему въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, когда власть микадо фактически была пустымъ звукомъ, онъ никогда не утрачивалъ своего обаянія въ глазахъ народа; его какъ бы безоблачное существованіе, полное таинственности, наводило благоговѣйный страхъ и трепетъ. Нынѣ же, когда личность микадо вовлекается въ тревоженія повседневной политики, когда онъ выступаетъ въ роли судьи между парламентомъ и министрами, вызывая похвалы однихъ и порицанія другихъ,—его авторитетъ подрывается, и ему начинаютъ уже противо-

ставлять, хотя и для отдаленнаго будущаго, идея республики. Именно японскимъ воззрѣніямъ на божественный характеръ власти микадо какъ нельзя больше соотвѣтствовала бы формула: „царствовать, но не управлять“.

Нельзя, однако, не отмѣтить, что въ Японіи нѣтъ основнаго условія, необходимаго для установленія парламентарнаго образа правленія — наличности твердо организованныхъ и рѣзко очерченныхъ политическихъ партій, ибо отвѣтственное передъ парламентомъ министерство должно выходить изъ среды той партіи, которая въ данное время, пользуясь довѣріемъ народа, располагаетъ прочнымъ большинствомъ въ парламентѣ. Въ Японіи такія партіи еще не успѣли сложиться, частью по отсутствію талантливыхъ людей, которые могли бы выступить организаторами и главарями партій съ опредѣленными программами. Старые же государственные люди относятся въ общемъ къ парламентарному управленію отрицательно. Нынѣшнія японскія партіи, за исключеніемъ крайнихъ радикаловъ, являются пережитками феодализма, упраздненнаго на бумагѣ въ 1871 году; на самомъ же дѣлѣ четыре прежнихъ главнѣйшихъ дайміо — Сацума, Чису, Тоза и Хозепъ — продолжаютъ сохранять преобладающее вліяніе, и представители этихъ партій, особенно двухъ первыхъ, игравшіе преобладающую роль въ періодъ введенія великихъ реформъ, предшествовавшихъ введенію конституціи, смѣняютъ съ тѣхъ поръ другъ друга у кормила правленія. Въ данное время въ Японіи идетъ борьба честолюбивой, но еще плохо организованной демократіи противъ могущественной и хорошо дисциплинированной олигархіи (т. е. правленія немногихъ аристократовъ). Демократія располагаетъ большинствомъ голосовъ въ нижней палатѣ, но засѣдающіе тамъ представители ея сказываются сплошь и рядомъ далеко не на высотѣ своего призванія. Наи-

болѣе характерными чертами многихъ нынѣшнихъ японскихъ депутатовъ являются тщеславіе и взяточничество, которыя не считаютъ нужнымъ даже скрывать. Само правительство иной разъ прибѣгаетъ къ убѣдительному краснорѣчію денежныхъ подачекъ, чтобы хотя этимъ путемъ освободиться отъ назойливости парламентской оппозиціи. Дѣйствительно, по свидѣтельству многихъ депутатовъ ни одинъ законопроектъ не проходилъ безъ надлежащей подмазки.

VIII. Административное устройство и самоуправленіе въ Японіи

Раздѣленіе Японіи въ административномъ отношеніи на „кепы“, „гупы“ и „си“.—„Сандзикауа“ и „сикауа“.—Имущественный цензъ избирателей.—Характеръ японскаго самоуправления.

Образцомъ для организаціи мѣстнаго управленія въ Японіи послужили французскія учрежденія. Отсюда слабое развитіе самоуправления и преобладаніе центральной власти. Последнее даетъ себя тѣмъ болѣе чувствовать, что японскіе чиновники тѣсно связаны съ политикой, и при всякой перемѣнѣ кабинета большинство по крайней мѣрѣ высшихъ чиновниковъ „выметается“ со службы.

Въ административномъ отношеніи Японія дѣлится на *кепы*, соотвѣтствующіе нашимъ губерніямъ. Такихъ *кеповъ* насчитывается теперь сорокъ три. До 1898 г. существовали еще три градоначальства (*фоу*): въ Токио, Кіото и Осакѣ, гдѣ должность городского головы и градоначальника исполнялъ губернаторъ. Теперь эти градоначальства упразднены. Губернаторы—*чидзи*—въ Японіи непосредственно подчинены министру внутреннихъ дѣлъ. Въ качествѣ исполнительнаго органа при губернаторѣ состоятъ губернское правленіе. Наконецъ въ каждомъ *кепѣ* имѣется свой *кеуконай*, то-есть выборное губернское земское собраніе, соотвѣтствующее

французскому генеральному совѣту. *Кеты* (губерніи) дѣлятся на *гупы* и на *си*, то-есть на городскіе и сельскіе округа. Гупы въ свою очередь подраздѣляются на *чо* и *сопы*, то-есть мелкія городскія и сельскія волости. Гупы управляются исправниками, подвѣдомственными губернатору. Города болѣе чѣмъ съ 25 тысячами жителей причисляются къ разряду *си*, но министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ широкое право оставлять ихъ въ разрядѣ *чо*, которые пользуются менѣе широкой степенью самоуправленія.

Городская община, пользующаяся правами *си*, управляется городской управой (*сандзикауя*) и думой (*сикюан*). Управа состоитъ изъ городского головы (*сичо*), утверждаемаго императоромъ изъ трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ городской думой, его товарища и совѣтниковъ. Товарищей головы (въ Токио ихъ трое, въ Киото и Осакѣ двое, а въ остальныхъ городахъ — по одному) назначаетъ губернаторъ тоже изъ числа лицъ, предложенныхъ думою въ кандидаты на эту должность. Голова и его товарищи назначаются на шестилѣтній срокъ, причемъ размѣръ получаемаго ими жалованья опредѣляется городской думою. Совѣтники (члены) управы (въ Токио 12, въ Осакѣ 9, а въ прочихъ городахъ по 6) выбираются изъ горожанъ старше 30-лѣтняго возраста и никакого жалованья не получаютъ. Управа является органомъ исполнительнымъ для городской думы, которая состоитъ въ городахъ съ населеніемъ отъ 50 и до 100 тысячъ душъ изъ 36 гласныхъ. Въ городахъ болѣе чѣмъ со 100-тысячнымъ населеніемъ добавляется на каждые пятьдесятъ тысячъ душъ по три гласныхъ. Дума избираетъ себѣ ежегодно предсѣдателя (*ичо*); только въ мелкихъ селеніяхъ (*чо* и *сопы*) голова одновременно исполняетъ и обязанности предсѣдателя думы. Гласные выбираются полноправными горожанами, то-есть лицами мужескаго пола, не лишенными правъ состоянія. Такимъ полноправнымъ

избирателемъ (*си коминъ*), слѣдовательно, можетъ быть только мужчина не моложе 25-ти лѣтъ, прожившій не крайней мѣрѣ два года въ городѣ и платящій не менѣе двухъ іенъ въ годъ прямого налога. слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что если въ числѣ наиболѣе крупныхъ плательщиковъ податей оказывается женщина или же законнымъ образомъ организованное общество, то имъ тоже предоставляется право голоса на городскихъ выборахъ.

Всѣ вообще избиратели дѣлятся на три разряда, соотвѣтственно количеству уплачиваемыхъ ими городу прямыхъ налоговъ. Каждый разрядъ выбираетъ особо отъ себя гласныхъ въ думу. Первый разрядъ состоитъ изъ наиболѣе крупныхъ плательщиковъ, съ которыхъ поступаетъ въ общей сложности третья часть всѣхъ прямыхъ городскихъ налоговъ. Второй разрядъ образуютъ средніе плательщики, уплачивающіе вторую, а третій, наиболѣе многочисленный, разрядъ слагается изъ мелкихъ плательщиковъ, вносящихъ послѣднюю треть прямыхъ городскихъ налоговъ. Отъ кандидатовъ въ гласные не требуется имущественнаго ценза. Гласные не получаютъ жалованья и выбираются на шестилѣтній срокъ, но выборы производятся черезъ каждые три года, причемъ обновляется половинная часть думы. Многочисленный личный составъ государственнаго управленія въ Японіи съ каждымъ годомъ все болѣе возрастаетъ. Такъ, на государственной службѣ въ 1893 г. состояло 45,506 чиновниковъ съ жалованьемъ въ 10.775,358 іенъ (іенъ приблизительно нашъ рубль), а въ 1900 г. 73,517 чиновниковъ съ жалованьемъ въ 22.192,433 іенъ. Подобное же возрастаніе числа служащихъ замѣчается и въ составѣ мѣстнаго самоуправленія. Въ различныхъ отрасляхъ администраціи имѣется для служащихъ 903 титуловъ и наименованій самаго торжественнаго свойства. При такихъ обстоятельствахъ, если иностранцу при царящемъ въ Японіи этикетѣ

трудно быть въ достаточной степени вѣжливымъ, когда онъ говоритъ даже съ простымъ смертнымъ, то это оказывается для него немислимымъ въ бесѣдѣ съ чиновникомъ, занимающимъ хотя бы довольно скромный постъ административной лѣстницы.

IX. Судебное устройство и законодательство въ Японіи.

Занятость японскаго законодательства.—Увлеченіе молодежи юридическими науками.—Общій характеръ японскихъ законовъ.—Отсутствіе суда присяжныхъ.—Устройство судебныхъ учреждений.

Японскій судъ, какъ и полиція, устроенъ по образцу французскаго, и въ такомъ видѣ онъ существуетъ всего лишь одиннадцать лѣтъ (съ 1882 г.), когда вошелъ въ силу составленный французомъ Буассонадомъ по порученію японскаго правительства сводъ уголовныхъ законовъ и законъ о преобразованіи прежняго японскаго суда.

Введеніе новыхъ формъ судопроизводства и судопроизводства и новыхъ уголовныхъ законовъ не обошлось безъ серьезныхъ волненій въ Токію, вызванныхъ, какъ объяснили тогда бунтовщики, „химическимъ“ желаніемъ правительства ввести чужіе законы въ страну, обладающую своими старинными, вѣками установленными традиціями и обычаями. Населеніе успокоилось лишь послѣ того, какъ японское министерство юстиціи официально заявило, что при разработкѣ и составленіи новыхъ законовъ были приняты во вниманіе всѣ наиболѣе важныя изъ старинныхъ законовъ и національныхъ обычаевъ. Благодаря этому и самый судъ носитъ на себѣ характеръ какой-то смѣси французскаго съ японскимъ. Но какъ бы тамъ ни было, изученіе юридическихъ наукъ положительно вошло теперь въ моду у современной японской молодежи. Ихъ считаютъ не только полезными и необходимыми въ смыслѣ дальнѣйшей карьеры, но къ нимъ испы-

тываютъ, насколько можно судить, также и совершенно безкорыстное влеченіе. Это станетъ, конечно, вполне понятнымъ, если вспомнить, что всѣ столь поразительные успѣхи Японіи обусловливались измѣненіями въ законодательствѣ и управленіи страны. Однако, какъ мы только что замѣтили, у Японіи никогда не было своихъ собственныхъ, національныхъ законовъ, непосредственно выросшихъ на почвѣ народной жизни. Лѣтъ 1200 тому назадъ она всецѣло заимствовала свои законы у китайцевъ, въ послѣдніе же годы она пересадила къ себѣ нѣмецкіе и большей частью французскіе кодексы, построенные, какъ извѣстно, на римскомъ правѣ. Въ сущности ей и не оставалось иного выбора, какъ поступить именно такимъ образомъ, такъ какъ она хотѣла во что бы то ни стало добиться равноправности съ государствами, которыя состоятъ членами международной семьи культурныхъ державъ.

Это была завѣтная мечта Японіи, которую она страстно преслѣдовала въ теченіе тридцати послѣднихъ лѣтъ. Прежде всего были обнародованы въ 1880 г. „уложеніе о наказаніяхъ и уставъ уголовного судопроизводства“. Это уложеніе и было выработано вышеупомянутымъ французскимъ юристомъ „Буассонадомъ де-Фонтараби“ на основаніи Наполеоновскаго кодекса, съ нѣкоторыми измѣненіями, почерпнутыми изъ уголовного законодательства, дѣйствовавшаго передъ тѣмъ въ странѣ Восходящаго Солнца. „Юстиціи“ посвящена особая глава въ японской конституціи. Въ ней проводится начало несмѣняемости судей, которые могутъ быть смѣщены лишь по приговору уголовного или дисциплинарнаго суда; устанавливается начало гласности судопроизводства, предусматривается устройство особыхъ судовъ „административной юстиціи“ (для разсмотрѣнія жалобъ по поводу нарушенія интересовъ частныхъ лицъ незаконными дѣйствіями пра-

вительственныхъ властей), и имѣется статья, въ силу которой „дѣянія, подлежащія вѣдѣнію исключительныхъ судовъ, должны быть опредѣлены закономъ“.

Преступленія, караемыя японскими уголовными законами, раздѣляются на три категоріи. Къ первой изъ нихъ отнесены преступленія противъ государства или же императорской фамиліи, посягательства на государственный кредитъ, народное здравіе, внутренній миръ и т. д.; ко второй категоріи отнесены преступленія противъ личности и имущества, а къ третьей—проступки, подлежащіе вѣдѣнію мировыхъ судовъ. Преступленія первой и второй категоріи дѣлятся, сверхъ того, на обыкновенныя и тяжкія. Виновные въ тяжкихъ преступленіяхъ могутъ быть присуждены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, къ ссылке въ каторжныя работы пожизненно или на срокъ. Обыкновенныя преступленія наказуются заключеніемъ въ тюрьму съ каторжными работами или безъ оныхъ и денежнымъ штрафомъ.

Судъ присяжныхъ въ Японіи не введенъ.

Процессъ по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи разсматривается тремя судьями, а по обыкновеннымъ преступленіямъ—однимъ членомъ суда, а въ нѣкоторыхъ, болѣе серьезныхъ случаяхъ—тоже тремя судьями. При исполненіи смертной казни обязанъ присутствовать самъ прокуроръ. Лица, присужденныя къ ссылке, препровождаются большею частью на островъ Гессо, гдѣ ихъ заставляютъ иногда работать въ рудникахъ. Человѣкъ, потерпѣвшій отъ преступленія, подаетъ жалобу въ полицейскій участокъ или же непосредственно прокурору. Полиція можетъ арестовать учинившаго преступленіе лишь въ томъ случаѣ, когда оно совершено въ ея глазахъ или же на глазахъ потерпѣвшаго. Во всѣхъ другихъ случаяхъ она должна предварительно заручиться предписаніемъ судьи. Судья можетъ разрѣшить замѣну ареста соотвѣтствен-

нымъ денежнымъ залогомъ, но не иначе, какъ по соглашенію съ прокуроромъ.

Въ 1872 году были учреждены должности судей, прокуроровъ, нотаріусовъ, а также судебно-полицийскихъ приставовъ для арестованія лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Одновременно съ этимъ были учреждены различные суды и училище правовѣднія. Все это являлось подражаніемъ французскимъ образцамъ. Съ тѣхъ поръ многое уже измѣнилось въ Японіи. Въ настоящее время существуютъ: 1 верховный кассационный судъ въ Токио (дансининъ), 7 апелляционныхъ судовъ (кесонинъ), 49 окружныхъ судовъ (чи хосаибансо) и около 1200 единоличныхъ мировыхъ судей; всѣ эти судебныя учрежденія вѣдаютъ какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла. Въ нынѣшнемъ личномъ составѣ японскаго судебного вѣдомства большинство судей окончило курсъ юридическихъ наукъ при императорскомъ университетѣ или же въ частныхъ училищахъ правовѣднія (ихъ восемь во всей Японіи, въ томъ числѣ шесть въ одномъ Токио). Ежегодно до тысячи молодыхъ людей оканчиваетъ курсъ юридическихъ наукъ. Сословіе присяжныхъ повѣренныхъ организовано по французскому образцу. Судьи въ Японіи получаютъ жалованье всего лишь въ размѣрѣ отъ шестисотъ и до четырехсотъ іенъ, а потому наиболѣе способные изъ нихъ вскорѣ выходятъ въ отставку, чтобы заняться адвокатурой. Дѣло, какъ говорятъ, дошло до того, что весною 1901 года многіе судьи и прокуроры устроили нѣчто въ родѣ общей стачки, требуя, чтобы имъ увеличили окладъ содержанія. Впрочемъ, предсѣдатели судебныхъ палатъ и кассационнаго суда пользуются почти министерскими окладами, но и послѣдніе, какъ и всѣ оклады вообще на государственной службѣ въ Японіи, тоже невелики и никогда не превышаютъ 6,000 іенъ.
